

ДОМИНИК

Rosland || Переводы романов

Ее колдун-защитник ★ №1

Хейзел Хантер

Застенчивая, но стойкая София Чемберс наконец-то нашла идеальную работу для своих странных способностей. Как помощник частного детектива она без труда выслеживает и фотографирует людей, потому что может становиться невидимой. Но упав в объятия Доминика Берретта, она понимает, что больше не хочет прятаться. Хотя благодаря сногшибательной внешности Доминик легко мог бы сделать карьеру модели, он далек от этого. Как колдуна и капитана Корпуса Магов, его направили, чтобы обучить Софию колдовству, о существовании которого она даже не догадывается. Несмотря на пятисотлетнюю жизнь бессмертного, он обнаруживает в этой прекрасной, но застенчивой женщине нечто на удивление пленительное. Но когда ее настигает ее страшное прошлое, а колдуны сталкиваются с древним врагом, пылкие чувства Софии и Доминика друг к другу проявляются такими путями, которых никто не мог предвидеть. Когда вспыхивает страсть, а желания вырываются на свободу, каждому предстоит принять решение, после которого не будет пути назад.

Хейзел Хантер — Доминик

(Ее колдун-защитник #1)

Перевод: Rosland ()

Русификация обложки: Alena Alexa

Застенчивая, но стойкая София Чемберс наконец-то нашла идеальную работу для своих странных способностей. Как помощник частного детектива она без труда выслеживает и фотографирует людей, потому что может становиться невидимой. Но упав в объятия Доминика Берретта, она понимает, что больше не хочет прятаться.

Хотя благодаря сногшибательной внешности Доминик легко мог бы сделать карьеру модели, он далек от этого. Как колдуна и капитана Корпуса Магов, его направили, чтобы обучить Софию колдовству, о существовании которого она даже не догадывается. Несмотря на пятисотлетнюю жизнь бессмертного, он обнаруживает в этой прекрасной, но застенчивой женщине нечто на удивление пленительное.

Но когда ее настигает ее страшное прошлое, а колдуны сталкиваются с древним врагом, пылкие чувства Софии и Доминика друг к другу проявляются такими путями, которых никто не мог предвидеть. Когда вспыхивает страсть, а желания вырываются на свободу, каждому предстоит принять решение, после которого не будет пути назад.

Глава 1

Это была идеальная летняя ночь, и София, одетая в слегка поношенную длинную серую юбку, черный топ и светлый кардиган, идеально сливалась с тенями в переулке. Всего в нескольких метрах от нее счастливые парочки и веселые пьянчужки прохаживались по тротуару, абсолютно не замечая женщину, стоящую в темноте со смартфоном в руке.

На освещенном балконе сверху движения не наблюдалось, и София прислонилась к

стене, скучающая, уставшая и изнывающая. Она часами торчала в этом переулке в ожидании возможности сделать нужный ей снимок. Ноги ныли, голова болела. Она отдала бы что угодно, чтобы оказаться дома, обниматься с кошкой и бездумно смотреть телик, но Brent сказал ей тащиться на тротуар и не возвращаться, пока не получит что-то достойное.

Раздалось шарканье ног по тротуару, и София вжалась в стену. В укромный переулок, спотыкаясь, завалились мужчина и женщина. Женщина прижала своего спутника к кирпичной стене, теребя пальцами воротник его рубашки, а потом подавшись вперед и прикусив его шею.

— О, детка, детка, с тобой так хорошо, — проворковала она, и мужчина пробормотал что-то в знак согласия.

Когда женщина прижалась к нему своим телом, его глаза расфокусировались, но София с удивлением заметила, что он смотрел прямо туда, где стояла она сама. Возможно, они всего лишь игнорировали ее из чистого упрямства или затевая какую-то извращенную игру. Но пять лет спустя она не полагалась на это.

Ее взгляд метнулся к балкону, который, к несчастью, все еще оставался пустым. Какая-то часть ее хотела предоставить парочке уединение, тогда как другая ее часть яростно им завидовала. София гадала, каково это — так сильно желать мужчину, что готова прижать его к кирпичной стене, едва укрывшись от оживленной улицы. Она гадала, каково это — ощущать на своих бедрах широкие сильные руки, заявляющие свои права на нее и заставляющие стонать.

Парочка вела себя все более шумно, и София смущенно заерзала. Она не хотела лишаться ничем не блокируемого вида на окна, но и не хотела больше необходимого наблюдать за этими двумя, которые явно наслаждались друг другом. И пока она раздумывала, что же ей делать, остекленная дверь на балконе отворилась, и оттуда появилась женщина в светлой сорочке и халате.

София держала камеру наготове и подняла ее, но это была не та женщина, которая ей нужна, или, по крайней мере, не одна она.

Женщина на балконе посмотрела вниз, на переулок. Она удивленно улыбнулась, заметив легкомысленную парочку, и жестом поманила кого-то из комнаты позади. И тогда к ней присоединился мужчина в махровом халате.

Бинго, подумала София, делая одну фотографию за другой на свой смартфон. Это все, что понадобится вашей жене, мистер Тернер, чтобы получить развод, который вы ей не даете.

София буквально чувствовала вкус супа, которым будет согреваться, и мурлыканье кошки рядом с собой, но потом все пошло не по плану. Парочка рядом сделалась крайне энергичной, и мужчина, видимо, решил пошалить. Он оттолкнул свою спутницу, намереваясь прижать ее к противоположной стене. К сожалению, именно там и стояла София. Хоть ее исключительные навыки хорошо делали ее незаметной, они не справлялись, когда кто-то касался ее.

Женщина закричала. София взвизгнула. И вот уже на нее смотрели четыре пары сконфуженных глаз. Три пары глаз просто были озадачены увиденным, но глаза мужчины в махровом халате увидели смартфон. Он точно знал, что она делает.

— Ах ты пронирливая маленькая сучка, — заорал он, исчезая в комнате.

Пара, делившая с ней переулок, спешно ретировалась, и София поспешила за ними. Она добралась бы до улицы и смылась незамеченной, безопасно добравшись до дома прежде, чем

мужчина успеет моргнуть, или, по крайней мере, так должно было быть.

Вместо этого женщина, бегущая перед ней, потеряла туфлю на высоком каблуке, и когда нога Софии наступила на нее, лодыжка подвернулась так сильно, что живот девушки сделал кульбит. Она упала на тротуар, сильно ударившись, и несколько долгих секунд просто лежала на боку, задыхаясь от боли. Испытывая головокружение, София пыталась понять, не сломала ли она лодыжку, но потом, когда рев мужчины в халате сделался громче, она осознала, что о лодыжке ей нужно беспокоиться в последнюю очередь. Пошатываясь, София поднялась на ноги, лодыжка угрожала снова подвернуться, но она не преодолела и полуметра, когда мужчина выскочил через служебный вход и увидел ее. Его мясистые руки вцепились в ее плечи. Он навис над ней, раскрыв рот и крича:

— Кто тебя послал, черт подери, маленькая сучка? Что ты видела, мать твою? Дай мне это, дай мне свой чертов телефон...

Каким-то образом София ухитрилась удерживать аппарат в руке, но знала, что долго не продержится, судя по тому, как мужчина пытался его вырвать.

Брент всегда говорил ей, что важнее выбраться с целой шкурой, чем получить материал, каким бы хорошим он ни был, но ее перепуганный разум отказывался отпускать телефон. Вместо этого София вцепилась в него, тщетно пытаясь отобрать.

Мужчина взревел от ярости и вскинул кулак. София содрогнулась, но удар так и не достиг ее, потому что в переулке с ними оказался кто-то еще.

В тусклом свете близлежащего фонаря София видела, что мужчина, схвативший нападавшего, был выше всех их. Его силуэт был огромным и массивным, и он держал нападавшего так, будто тот был не сильнее котенка.

— Не думаю, что ты хочешь это сделать, — холодно сказал ее спаситель, оттаскивая мужчину.

— А тебе нахрен какое дело?

— Да никакого вообще. Но она и не твое дело. Убирайся отсюда к чертям.

Мужчина отшвырнул нападавшего и подождал, пока тот скроется за дверью служебного входа, откуда и выскочил, прежде чем напасть на Софию.

— Ты в порядке, милая?

София все еще тряслась от страха и адреналина. Она могла лишь кивнуть и уставиться на него.

Теперь, когда он не боролся ни с каким злобным нападающим, она сумела рассмотреть своего спасителя, и ей оставалось лишь поддерживать челюсть от падения.

Он был красив той красотой, что всегда ассоциировалась у нее с моделями и актерами — высокий и подтянутый. Легко было заметить, насколько он силен. Облегающая черная футболка натянулась на широких плечах, джинсы впивались в узкие бедра как вторая кожа. София видела, что волосы у него светлые, но не могла точно различить оттенок. Она покачала головой, чтобы не разевать рот как рыба.

— Я... я в порядке, спасибо.

— Уверена? Он довольно бурно на тебя нападал.

Мужчина потянулся к ее руке, чтобы осмотреть ее, и София с удивлением позволила. Пальцы его были длинными и тонкими, и когда они обернулись вокруг ее запястья, она ощутила их тепло.

— Ц-ц. Он тебя немного поцарапал, нужно это осмотреть, ладно?

Она уже собиралась ответить, когда дверь служебного входа вновь открылась, и оттуда

выскочил ее обидчик. В этот раз он держал в руках невесту откуда взявшийся стальной прут и, осмелев благодаря оружию, решительно замахнулся на голову ее спасителя.

В этот ужасный момент София буквально видела, как прут опускается на голову и сшибает незнакомца, но вместо этого ее спаситель повернулся и поднял руку. Последовала яркая вспышка света, шипение, которое скорее ощущалось в воздухе, нежели доносилось звуком, и внезапный запах горелого. Мужчина уже дергался на земле, а незнакомец отступил в сторону.

— Как...

— Электрошокер, — невозмутимо ответил мужчина.

София кивнула, хоть и была уверена, что ничего не заметила в руках мужчины.

— Точно, эм, слушай, спасибо...

София сделала шаг назад, готовая удрать от своего спасителя, но совсем забыла о своей лодыжке. Когда вспышка адреналина ушла, она ощутила обжигающую боль, прострелившую до самой кости, и споткнулась. Она оцарапалась бы о кирпичную стену или опять упала бы, но мужчина снова оказался рядом, поддерживая.

— Эй, держись, дорогая. Это выглядит не очень хорошо. Ты живешь рядом?

Она прикусила губу, обеспокоенно глядя на него. Он спас ее, но она все равно ничего о нем не знает. Если уж на то пошло, он мог оказаться в десять раз хуже того мужчины, что корчился на земле.

Как будто прочитав ее мысли, мужчина кивнул.

— Если хочешь, могу отвести тебя на угол и поймать такси. Так будет лучше?

София приняла решение и покачала головой.

— Нет, я живу недалеко...

Когда он буквально вынес ее из переулочка, Софию затопило чувство умиротворения, какого она никогда прежде не испытывала. Это напоминало начало чего-то, но она не знала, чего именно.

Глава 2

ДВАДЦАТЬ МИНУТ НАЗАД

Доминик готов был поклясться, что маленький кристалл кварца у него в руке снова засветился. Он подождал, не разгорится ли он до яркого голубого сияния, которое он мог излучать, если верить словам Стефана, но камень светился лишь белесым молочным светом, которого не хватит даже для чтения, не говоря уж о том, чтобы искать дорогу.

В итоге он провел в Милуоки уже две недели. И хоть маленький амулет уверял его, что он найдет искомую женщину здесь, этот камень оставался безнадежно неопределенным относительно места ее пребывания.

Он часами бродил вдоль реки, маневрируя в толпах людей, наслаждавшихся летней погодкой. Часть его хотела сказать "нахрен все", взять что-нибудь вкусное перекусить — и возможно, прихватить какую-нибудь красотку домой — но он продолжал курсировать по тротуару, ожидая, пока кварц оживет. В итоге Доминик пребывал не в лучшем настроении, когда его телефон зазвонил, и он увидел, что звонит Стефан.

— Эта хрень и кусок дерьма не стоит, — сказал он, отвечая на звонок, и его друг рассмеялся.

— Я думал, что понятно все объяснил, капитан, — протянул Стефан. — Чем ближе ты к

цели, тем ярче он светится. Шаг в ее сторону — он светится, шаг прочь — сияние затухает. Все, никаких километровых инструкций.

— Он привел меня в Милуоки, и на этом прогресс закончился, — резко возразил Доминик. — Последние две недели он мигает как сломанный.

— Значит, ты его сломал. Я сам его сделал, а раз его сделал я, значит, он работает.

— Серьезно, ты отправил меня сюда со сломанным фонариком в симпатичном камушке? Если сознаешься сейчас, то я совсем чуть-чуть подправлю тебе лицо...

Стефан рассмеялся, но вдруг его смех оборвался. На другом конце линии раздалось приглушенное бормотание, и вернувшись, Стефан заговорил более сдержанно.

— Командир говорит, чтобы мы перестали валять дурака. Ладно. Что происходит с тем прекрасным магическим предметом, что я отдал тебе в руки две недели назад?

Доминик со вздохом прислонился к стене. Толпа у бара становилась все больше, и разговаривая со Стефаном, он не спускал с нее глаз. Некоторые мужчины с вызовом встречали его взгляд, и большинство женщин повторно окидывали его оценивающим взглядом. Несмотря на то, что он был на работе, несмотря на то, что кристалл в кармане продолжал ненадежно поблескивать, Доминик не мог удержаться от ответной улыбки. Что-то в этой ночи, в реке, в оживленном мягком летнем воздухе напоминало ему о давно утерянной Венеции, его родном городе.

Венеция все еще стояла на месте, но знакомый ему город канул в лету более пятисот лет назад. В той Венеции он прошел инициацию как Маг, во Флоренции провел первые пятьдесят лет своего бессмертия, играя в азартные игры, флиртуя и зарабатывая на жизнь как платный дуэлянт. И именно в Венеции его нашел Маттео Сальвестро и недвусмысленно сообщил, что пора присоединиться к Корпусу Магов.

— Твои таланты слишком могущественны, чтобы растрачивать их на игры с куртизанками и представление избалованных лордов на дуэлях, — сурово произнес его наставник, но сейчас, находясь на миссии, которая казалась пустой тратой времени, вдалеке от привычной территории, Доминик не согласился бы с его словами.

— Твое устройство отлично светило на пути к городу, — сказал он Стефану. — А когда я добрался сюда, оно начало гаснуть, и теперь я могу использовать его в качестве ночника, и не более. Иногда свет подрагивает, иногда делается ярче, но потом ничего.

Последовала пауза, и Доминик знал, что где-то на восточном побережье Стефан сосредоточенно хмурится и кусает губу.

— Это значит... слушай, я знаю, это кажется бессмысленной, но думаю, это значит, что она там и одновременно не там.

— Это еще более бессмысленно, чем все то, что ты говорил ранее. Разве здоровяк не сказал тебе перестать валять дурака?

Смех Стефана напоминал обрывистый невеселый лай.

— Я создал ту штуку, которую ты называешь ночником. Это тебе не какой-нибудь защитный амулет или приворотное зелье от дешевой ведьмы, понял? Эта штука нацелена на источник жизни этой девушки. Синий означает, что ты приближаешься к цели, красный — ты ее нашел. А раз она то проявляется, то гаснет...

— Значит, она вампир?

— Боже, надеюсь, что нет, но я не об этом. Думаю, это значит, что она прячется или каким-то образом блокирует это.

— Это требует обучения, — ровно произнес Доминик. Внезапно миссия приняла

совершенно другой поворот, и он слегка напрягся.

— Ну, четыре года в бегах — срок немалый, друг мой. Если она приглушает нечто, созданное мной, она должна быть особенной. Может, наткнулась на мятежного мага, который научил ее дрянным фокусам, или заключила сделку с демоном. Такое случалось раньше.

— Супер.

— Слушай, Командир спрашивает, не нужны ли тебе еще парни...

Доминик застыл.

— Нет. Повторяю, ответ отрицательный, Стефан. Я могу с этим справиться. Я справлюсь.

— Ага, в твоем духе. Но что есть, то есть. Если мой амулет ведет себя странно, что ж, значит, творится что-то странное. Выходи, вооружившись как на медведя. Или как на взбешенного демона. Или как на мятежника, охотящегося на Корпус Магов.

— Понял.

Доминик положил трубку и запихал телефон обратно в карман, мрачно нахмурившись. Никто не заберет у него эту миссию, только не тогда, когда ее доверили именно ему. Он не хотел, чтобы другие следователи Корпуса Магов наводнили все вокруг. В конце концов, город большой, и в нем уйма места для ведьмы, которая может заблокировать амулет Стефана, чтобы спрятаться.

Однако это не значит, что он должен найти ее сегодня же. Доминик засунул кристалл в карман, решив игнорировать его остаток вечера. Нельзя же все время работать, а в городе можно найти множество интересных вещей для мужчины, который любит хорошо проводить время. По меньшей мере, Доминик рассчитывал на это, когда услышал крик, доносившийся из переулка, мимо которого он проходил. Его едва не сшибла с ног растрепанная парочка, выбегавшая оттуда, а заглянув за угол, он увидел огромного мужчину, нападавшего на маленькую дрожащую женщину, вцепившуюся в свой телефон.

Ну, вот вам и выходной, подумал он сухо и свернул в переулок.

Глава 3

София подумала, что мужчина казался большим в переулке, но это ничто в сравнении с тем, каким он выглядел в ее крошечной квартирке-студии. Он вписывался в пространство с таким же успехом, как медведь — в картонную коробку, но это не помешало ему войти внутрь с таким видом, будто он владеет этим местом. Возможно, это должно было послужить ей намеком, но в том, как он усадил ее на маленькое кресло и направился в ванную, было что-то располагающее к себе.

— У тебя есть здесь где-нибудь эластичный бинт? — крикнул он. — Я нашел тебе обезболивающие.

— Бинт на полке за дверью, — крикнула она в ответ.

Раздался грохот, за которым последовал вопль изумления, и София поморщилась.

— Извини, давненько я на той полке не убиралась.

Она проглотила таблетки, запила водой, которую он тут же принес, а затем с изумлением уставилась на мужчину, который принялся бинтовать ее опухающую лодыжку.

— Эм... и часто ты это делаешь?

— Зависит от того, что ты имеешь в виду, — ответил он. — Если ты имеешь в виду, часто ли меня атакует водопад розовых и зеленых лаков для ногтей, ответ "нет". Если ты

имеешь в виду спасение барышень в беде, ну, доводилось пару раз.

Его улыбка была милой и легкой, и она невольно улыбнулась в ответ.

— Вообще-то я имела в виду бинтование ран. Ты в этом действительно хорош.

— Скорее неплох, — он пожал плечами. — У меня есть друзья, которые поставили бы тебя на ноги к полуночи, но и это сгодится.

София посмотрела на свою умело перебинтованную ногу, поднятую на небольшой пуфик, который был спрятан под креслом. Она даже подумала, что он, возможно, парамедик или кто-то, кто зарабатывает на жизнь, перевязывая раны, но не успев озвучить свою догадку, она услышала, как мужчина присвистнул.

— Ну привет, красавица.

София напряглась. О чем она думала, приводя незнакомого мужчину к себе домой? Но потом она увидела, что его голова повернута в другую сторону. И у нее челюсть отвисла, когда она заметила, что ее маленькая черепаховая кошка сидит посреди комнаты и наблюдает за ними любопытными зелеными глазками.

— Она милая, — заметил мужчина, протягивая кошечке ладонь.

Зора вытянула шею, чтобы аккуратно понюхать мужскую руку, и София приготовилась к тому, что ее питомец сейчас или врежет ему когтистой лапой, или удерет прямо под односпальную кровать. Но вместо этого она медленно поднялась на все четыре лапы и подошла чуть ближе к мужчине, шевеля ушками и хвостом от любопытства.

— О, какая хорошая девочка, — проворковал мужчина, поглаживая ее по голове.

Зора ловко увернулась от руки, но все равно подошла ближе, осмотрев мужчину с головы до пят и только потом усевшись и выжидательно уставившись на него.

— Ах, теперь я могу тебя погладить? Благодарю покорно, ваше величество, — сказал он с улыбкой и почесал ее за ушками.

Подняв голову, он посмотрел на Софию и выгнул бровь.

— Что, я сказал что-то не то?

— Нет, просто она вообще никогда так не делает, — сказала София с благоговейным трепетом. — От всех, кого я приводила в квартиру, она пряталась в шкафу или под кроватью. Ты много работаешь с кошками?

— Нет, — сказал он с печальной улыбкой. — Но когда я был ребенком, на виллах они были повсюду. Они маячили в окнах, бродили по дворам, некоторые из них даже нашли работу, составляя дамам очаровательную компанию на гондолах, пока их хозяева наслаждались живописными видами.

— Гондолах? Ты из Италии?

От его медленной улыбки голова шла кругом, и на мгновение София подумала, что крайне несправедливо и без того красивому человеку иметь такую улыбку.

— Когда-то был оттуда, — сказал он и, видимо, нашел нужное местечко, потому что Зора громко замурлыкала. Так громко, что они оба рассмеялись.

— Чудеса никогда не закончатся, — произнесла София. — Ты нравишься Зоре.

— Милое имя. Хотя это напоминает нам о том, что я не знаю твоего имени, а ты не знаешь моего, но зато я знаю кличку твоей кошки.

София засомневалась, но прежде чем успела струсить, она покачала головой.

— София, — сказала она. — София Чемберс.

— Доминик Берретт.

Он протянул руку, и София приняла ее. Может, он и выглядел как модель, но руки

доказывали, что он не чурался тяжелой работы. В мозолях и жесткости его руки крылась целая жизнь, полная труда, и София чувствовала силу, текущую по его венам. Она осознала, что держит его ладонь слишком долго, и смущенно разжала руку.

— Доминик звучит не очень по-итальянски, — услышала она собственный голос, и Доминик пожал плечами.

— Так и есть, но я уже давно не итальянец. Я приехал в Америку, когда был еще совсем ребенком.

— Могу только посочувствовать, — сказала София, поморщившись. — Но слушай, эм... спасибо за спасение, но ты не обязан оставаться. Ты, наверное, направлялся в куда более интересное место, когда вдруг пришлось спасти мою тупую задницу.

— В твоей заднице нет ничего тупого, — сказал Доминик, и если в его голосе и звучали нотки флирта, то все они были погребены под видом невинным, как у новорожденного ягненка. — И ты ошибаешься, если думаешь, что у меня есть масса более интересных занятий, чем общение с прекрасной женщиной. Я приехал в город по работе, и скажем так, дела идут не очень хорошо.

— О, мне очень жаль слышать это... погоди, ты только что назвал меня прекрасной?

— Возможно, — невинно отозвался он. — В конце концов, моя мать учила меня всегда говорить правду.

Смешок Софии оказался легким и неожиданным. Она изумленно прижала ладонь ко рту и покачала головой.

— Ты ходячая проблема, — выдавила она, и Доминик с усмешкой вскинул бровь.

— Иногда, — признался он, — но поверь мне, я никогда не стану чинить проблемы тебе. Я не хочу усложнять тебе жизнь, и клянусь, что не думал ни о чем другом, кроме как доставить тебя домой и осмотреть твою лодыжку. Пусть мне пришлось врезать засранцу, я разговариваю с очаровательной женщиной и наслаждаюсь компанией дружелюбной кошки. Кажется, моя ночь проходит прекрасно, и все остальное может стать лишь приятным бонусом.

— Приятным бонусом, — нарочито задумчиво протянула София. — Что ты думаешь о гамбургерах?

— Обожаю их, — немедленно ответил Доминик. — Лучшее изобретение американской кухни за весь двадцатый век.

— Лучшее?

— Я... может быть, немного преувеличиваю, но правда обожаю их.

— Хорошо. Если все остальное — это бонус, как ты говоришь, то как насчет такого — я даю тебе двадцать долларов, а ты сбегаеть вниз в соседнее здание?

— В... странный магазинчик с разбитой витриной?

— В один из самых тщательно охраняемых секретов этого города, — сказала София с широкой улыбкой. — Закажи два бизон-бургера, лимончелло и что тебе самому захочется попить. Тебе понравится.

Глава 4

Когда Доминик вернулся в квартиру Софии с двумя лимончелло и пакетом, полным вкусных запахов, он был под впечатлением и в то же время слегка насторожился.

— Как ты вообще вошла туда в первый раз? — спросил он, выставляя еду на кофейный столик.

Она расставила тарелки и в данный момент удобно устроилась на одноместной кровати, положив ногу отдыхать на пуфике. Она была невысокой и фигуристой, и в своем кардигане с юбкой выглядела очаровательным сорванцом. Зора понюхала еду и запрыгнула на кресло, очевидно, выражая презрение к человеческой пище, и Доминик сел рядом с Софией.

— О, Роберто доставил тебе беспокойство? — спросила она, и он выгнул бровь.

— Роберто — это тот парень за прилавком, у которого нет одного глаза и повязки тоже нет, или это тот, который подметает и размерами вдвое крупнее меня?

— Ни тот, ни другой. Это тот парень, который управляет закуской, и иногда делает исключения для... постоянных посетителей, наверное.

— В столовой сбоку свалены сломанные столы. Все это место освещается голыми лампочками, и единственный знак, подсказавший мне, что это ресторан, а не место, где вот-вот случится операция по изъятию наркотиков — это доска с надписью "блюдо дня". И там было написано просто "картошка фри".

— Это само воплощение "дешево и сердито", — согласилась София, разворачивая бургеры. Она положила один на его тарелку, другой — на свою. И как только она достала еду, воздух наполнился вкуснейшим пикантным ароматом, от которого у Доминика потекли слюни.

— Как, черт подери, они держатся на плаву?

— Откуси кусочек. Увидишь.

Доминик пробовал еду по всему миру, начиная от вьетнамских уличных прилавков и заканчивая самыми восхитительными, секретными, подземными ресторанами Парижа. Он откусил кусок, прожевал, проглотил, и затем, с расширившимися глазами откусил следующий.

— Значит, сделка с дьяволом? — спросил он, проглотив.

Бургер был несомненно лучшим, что он когда-либо пробовал. Всего лишь мясо на подсушенной булочке, сдобренной беконом и сыром, но в нем присутствовало сложное богатство вкусов, противоречащее простому виду.

— Я тоже так думала, но потом однажды заговорила с Роберто. Джордж, тот парень с одним глазом — его отец владеет бизоньей фермой к северу отсюда. Они пекут весь хлеб, получают сыр из какого-то секретного места, о котором отказываются мне рассказывать, и собственноручно готовят все приправы.

— Иисусе.

— Знаю.

Какое-то время они ели в приятной тишине, и в этой трапезе Доминик нашел успокоение, которого давно не испытывал. Он чувствовал благодарность за то, что не ушел домой с одной из тех женщин, которых видел у реки. Они, возможно, были прекрасны и одаривали его манящими улыбками, но эта девушка была другой. Даже если из этой встречи он получит лишь один из самых потрясающих бургеров в своей жизни, этого будет достаточно.

Доминик закончил с едой раньше, чем София, и когда она заметила, что он наблюдает за тем, как она ест, она нервно отложила остатки бургера.

— Я... на что ты смотришь? — спросила она.

Доминик покачал головой.

— На тебя. Ты... ты очаровательная, знаешь, да?

Она хихикнула.

— Горячий парень называет мою кошку красавицей, а я всего лишь очаровательна.

— Я также назвал тебя прекрасной, — напомнил он, и София покраснела.

Доминик не мог припомнить, когда в последний раз заставлял женщину покраснеть, и потому инстинктивно подался навстречу ей.

— Я мог бы назвать тебя многими словами, — тихо сказал он. Тон его дразнил, но в то же время ходил по грани совсем не игривого.

— Мог бы?

София подняла на него взгляд, и в этот самый момент Доминик поймал себя на том, что его дыхание учащается. У нее были большие темные глаза, и раньше он назвал бы их просто карими. Однако в такой близости к ней он видел, что они почти черные, но вокруг самого зрачка пролегла едва заметная бледно-голубая каемка, контрастирующая с темнотой.

— "Прекрасная" — это только начало, — пробормотал Доминик и вынужден был прочистить горло, потому что голос звучал хрипло и грубо. — Я мог бы сказать, что у тебя глубокий взгляд, полный секретов, я мог бы сказать, что твое лицо заставило бы творцов Ренессанса рыдать от желания запечатлеть его.

Она издала такой звук, будто не поверила ему.

Он усмехнулся.

— Не веришь мне? Послушай того, кто знает. Если бы ты вышла со своей виллы, донна, они рухнули бы к твоим ногам, или к твоим башмакам, как сказали бы в то время. Они захотели бы вырезать твои бедра из мрамора, выточить изгиб твоего подбородка из дерева. Сам Тициан использовал бы дюжину оттенков коричневого, чтобы истинно передать цвет твоих волос.

— Некоторые мужчины замечают лишь грудь, — сказала она, и Доминик различил в ее голосе дрожь — старые раны, возможно, или нечто темнее и глубже.

— Грудь замечательная, не думай, что я не заметил, — ободряюще подхватил он, — но и остальное в тебе, ну... Я всегда был из тех мужчин, которые предпочитают, чтобы все было на месте. И донна, у тебя все на месте.

Ее вздох был тихим как летним бриз. Он медленно поднес руку к ее лицу. Когда она не отшатнулась, он провел костяшками пальцев по ее щеке. Ее глаза расширились, она задрожала от его прикосновения.

— Такая прекрасная, — сказал Доминик. — И такая храбрая. Ты не собиралась ничего уступать тому грабителю, не так ли?

София слегка подпрыгнула, и он обругал себя за то, что припомнил тот пугающий инцидент.

— Все закончилось, теперь ты дома и в полной безопасности, — пробормотал он.

София подалась ближе, прислоняясь к нему. Доминик ощущал ее запах, нечто сладкое и пряное, а под этим ее естественный женственный аромат, более темный и чувственный. София вздохнула, прижимаясь своим мягким весом к его боку, и он обнял ее одной рукой. Он наполовину затвердел от ее близости, но в том, как она к нему прислонялась, было нечто нежное, и он не хотел это спугнуть. Тлеющий жар в его теле вылился в нечто лучшее, нечто более сладкое, и он потерся щекой о ее голову, заставив ее рассмеяться.

— Зора так делает, — пробормотала София, и Доминик кивнул.

— Твоя кошка тебя очень любит.

Они провели так несколько долгих секунд, позволив этому длиться. Момент был чувственным, но в то же время добрым, и наконец Доминик осознал, что должен это

нарушить. София протестующе пробормотала что-то, когда он отстранился, и несмотря на ее удивление, заставившее его крайне сожалеть о своих словах, Доминик отодвинулся.

— Извини, — сказал он с кривой улыбкой. — Ты только что прошла через... нелегкое испытание, и я вовсе не помогаю. Ты пострадала и, возможно, не в себе. Боюсь, я бы с удовольствием этим воспользовался, так что...

— Так что?

— Так что, возможно, будет лучше, если я уйду? Или, если ты не хочешь спать в одиночестве, я могу... — он осмотрел ее небольшую квартирку, где все жилое пространство сводилось к узкой кровати, столу и креслу, и нескладно закончил: — устроиться на полу?

Она уставилась на него, и Доминик моргнул, потому что в ее взгляде читался открытый вызов.

— Что если я скажу, что хочу другого? — спросила она.

В ее голосе определенно звучала смелая резкая нотка, которой раньше не было. И это заставило его отозваться. Его сердце забилось чуточку быстрее, и ему пришлось сглотнуть, прежде чем ответить.

— Тогда, поскольку ты здесь определенно главная, я соглашусь с твоим решением.

— Я главная?

— Да. Абсолютно.

Она села неподвижно, как одна из тех статуй, с которыми он ее сравнивал, и воздух между ними наэлектризовался.

— Наверное, я устала быть начеку, — сказала она, обращаясь как будто к самой себе. — Я устала прятаться и устала подавлять себя.

— Тебе не стоит этого делать, — прошептал Доминик, и хоть он мог говорить о ее красоте, он с мягким уколом боли осознал, что речь не только об этом. Был в ней огонь, который никогда не стоило прятать, что бы ни случилось.

Она встала, и складки ее юбки расправились, очерчивая изгиб ее бедер и давая ему слишком четкое понимание, что под этой тканью ее ноги были голыми.

— Твоя лодыжка, — пробормотал он, а она лишь рассмеялась слегка дрогнувшим смехом.

— Едва ее чувствую, — заверила его София, и сделав один шаткий шаг, прижалась к его телу, оказавшись в его объятиях и наклоняя лицо для поцелуя.

— Я здесь главная, и я хочу тебя, — пробормотала она, и Доминик оказался потерян.

Глава 5

София едва могла поверить в то, что она делает, что чувствует, и все же это было правдой. Ей вдруг до боли захотелось ощутить его тело на своем, и она гадала, не чувствовала ли это с момента их первой встречи. Она гадала, не этого ли ждала годами, сама того не ведая. И когда она рухнула в его объятия, в этом было что-то правильное, настолько правильное, что ее мозг попытался ее остановить.

Ты знаешь его всего несколько часов, пытался сказать ее разум. Он может оказаться кем угодно. Он может сотворить с тобой что угодно!

И я хочу, чтобы он это сделал, яростно подумала она и знала, что это правда.

Она обвила руками его шею, опуская его голову для отчаянного поцелуя. Первое прикосновение их губ было электризирующим, и это не просто красивая метафора.

— Ой!

София отстранилась, быстро заморгав. Проскочившее между ними статическое электричество буквально ошеломило ее, но Доминик успокаивающе привлек ее к своему телу.

— Всего лишь заряд статического электричества в воздухе, — сказал он.

На мгновение София опустила взгляд на его ботинки и простой деревянный пол. Внезапно его рот поддразнил нежный изгиб ее уха, и это заставило ее съежиться. Электричество, казалось, разрядилось, и его рот нес с собой лишь мягкость, жар и страсть. Она стояла неподвижно, прикрыв дрожащие веки, пока его умелый рот ласкал мочку ее уха, а потом прикусил. Доминик хихикнул, услышав ее тихое восклицание, и когда она уже собиралась что-то сказать, он прижался губами к ее шее, заставляя ее растаять.

София тихо ахнула от удивления, когда Доминик внезапно сел на кровать и усадил ее себе на колени. В такой позе она отчетливо ощущала под собой его сильные мускулистые бедра. Она поерзала для пробы, и теперь пришла его очередь ахать.

— Так приятно чувствовать тебя, — произнес Доминик, глядя на нее снизу вверх, и неприкрытое восхищение в его глазах заставило Софию осмелеть — оно сделало ее смелой как никогда.

— Готова поспорить, что знаю, как будет еще приятнее...

Прежде чем Доминик успел ответить, она развернулась и оседлала его колени, позволяя юбке задраться на бедрах. София проследила за его взглядом и улыбнулась, потому что знала, что он видит. Ее бедра были длинными, бледными и мускулистыми. Когда он протянул руки и обхватил их, она замурлыкала от удовольствия. Она знала, что он чувствует там мышцы, и судя по возбуждению меж его ног, ему это нравилось.

София запустила пальцы в его светлые волосы, наслаждаясь их густотой и косматостью. Они были чуточку длиннее, чем требовала мода, и София подозревала, что по утрам он просто проходит по ним расческой и отправляется по делам. Доминик издал удовлетворенный гортанный звук, когда она провела пальцами по волосам, расчесывая их. А когда она бережно дернула, этот звук превратился в рычание.

Его руки крепче стиснули ее бедра, и в ответ она нетерпеливо потерлась об него. Чувствительной кожей на внутренней стороне бедер она чувствовала грубый деним, и от этого ее дыхание участилось, и София уткнулась лицом в изгиб его шеи.

— Ты знаешь, чего хочешь, дорогая? — голос его звучал хрипло и интимно. — Знаешь, что хочешь со мной сделать?

Она знала. Она хотела ощутить силу его тела вокруг себя, на себе, ощутить, как эта сила наполняет ее и заставляет кричать так, как она мечтала ночами. Она хотела его всего, но слова давались слишком тяжело, особенно когда одна рука изучала изгибы ее бедер, доводя до исступления, а вторая нашла дорогу под ее топ и поглаживала чувствительную кожу поясицы.

— Я хочу этого... — прошептала она, и от его тихого смеха побежали мурашки.

— Только этого? — спросил Доминик. — Я здесь ради тебя, София, и чего бы ты сегодня ни захотела, этим мы и займемся.

— Я хочу всего тебя, — сказала она, и минутное смущение заставило ее прижаться к нему ближе.

Его возбуждение было очевидным, но она так же ощущала сдержанность в его огромном мускулистом теле. В нем имелась мощь, но она умирялась, чтобы угодить ей, защитить ее, и в тот момент София знала, что это правда. Она действительно хотела его всего, и сейчас

ничто другое не могло утолить жажду.

Доминик застонал и сильнее прижался к ней. Его пальцы нашли край ее топа. Медленно и уверенно он стянул его через голову. София слегка покраснела. Конечно, она не ожидала ничего подобного и надела старенький бежевый бюстгальтер. Доминик широко улыбнулся и доказал ей, что это не имеет значения, быстрыми уверенными движениями расстегнув застежку.

Ее круглые и тяжелые груди выдавались вперед. София всегда думала, что они слишком большие и пышные, чтобы быть сексуальными, но очевидно, Доминик так не думал. Он приподнял одну грудь, с благоговением накрыв ее ладонью. Грубый большой палец приласкал кожу возле соска, приближаясь к напряженной вершинке. София прерывисто втянула воздух от удивления, когда он другой рукой легонько коснулся ее груди сбоку. Он просто снова и снова проводил кончиками ногтей, пока девушка не заерзала на его коленях, до невозможности нуждаясь и желая большего.

— Мои груди не настолько чувствительны, — удивленно произнесла она, и Доминик дьявольски сексуально улыбнулся.

— Думаю, ты ошибаешься на этот счет, — сказал он. — Думаю, ты просто никогда не уделяла время, чтобы выяснить это.

Она не могла не согласиться. После катастрофы, произошедшей, когда она в последний раз попыталась сделать нечто подобное, прошло слишком мало времени, чтобы хоть что-нибудь казалось настолько приятным как то, что делал Доминик. София закрыла глаза и позволила его прикосновениям воспламенить себя.

Единственное подходящее слово, которое приходило ей на ум — боготворение. Он боготворил ее плечи, ее груди, ее живот, и он возвращал ее к жизни таким образом, какого она никогда раньше не испытывала. Казалось, будто стены древнего, надежно защищаемого места рухнули, и она с готовностью принимала все перемены.

— О боги на небесах, ты такая красивая, милая, — прошептал он.

Он прижался губами к ее ключице, проводя по коже кончиком своего изобретательного языка. К тому времени, когда его губы добрались до коричневого соска, София уже извивалась, прижимаясь к его бедрам. Она покачнулась на нем, и когда Доминик застонал, она сделала это снова.

— Ты хочешь меня? — услышала она свой шепот. — Ты меня хочешь, Доминик?

— Как ты можешь такое спрашивать? — спросил он с полусмешком, нежно сжимая ее грудь и заставляя Софию вздохнуть.

— Позволь мне...

Она с удивлением ощутила, что он ее поднимает, и на мгновение подумала — он вспомнил, что она слишком маленькая, слишком простая, слишком глупая. Однако момент миновал, и ее развернули и вновь усадили на колени. В этот раз ее ноги свесились по обе стороны его коленей, а спина прижалась к его груди. Она покраснела, когда он задрал юбку выше по ее бедрам и подцепил пальцами край ее поношенных хлопковых трусиков.

— Насколько ты к ним привязана? — спросил Доминик, и София покачала головой.

— Нисколько.

И это было единственным предупреждением, которое она получила перед тем, как он схватил в кулак ткань и содрал трусики с ее бедер. Трение ткани о бедра на мгновение причинило боль, но потом ее трусики превратились в лохмотья, а ее плоть оказалась раскрытой и обнаженной.

— О боже, — прошептала она, и Доминик помедлил.

— Хорошо? — спросил он, и София быстро закивала.

— О да, пожалуйста...

Его умелые пальцы пригладили темные курчавые волосы меж ее бедер, скользя по губам, пока София не увлажнилась и начала извиваться от удовольствия. Лишь тогда он слегка раскрыл ее, обнажая чувствительный клитор.

— О, прошу... пожалуйста, больше, — прохныкала она.

Попкой она чувствовала, насколько он тверд, и нарочно потерлась о него бедрами. И хоть Доминик зарычал ей в ухо, он ни капли не ускорил своих движений.

— Я дам тебе все, что ты захочешь, дорогая. Просто будь терпелива.

Он кружил пальцами вокруг ее клитора, сначала невесомо, потом с большим давлением. Удовольствие возрастало и накатывало на нее волнами, заставляя ее бедра дрожать, ее тело напряглось, вжимаясь в него.

— Мне... мне понадобится время, — пробормотала София, сопротивляясь желанию спрятать лицо, и ощутила, как Доминик фыркнул.

— Ты думаешь, мне есть дело до того, сколько времени ты проведешь в таком положении? — спросил он. — Если хочешь, можешь оставаться так хоть всю ночь.

Мысль о том, что удовольствие может растянуться на часы, вызвало у нее прилив острого желания, и она толкнулась бедрами навстречу его пальцам.

— Не торопись, — сказал он. — Ты же знаешь, я не остановлюсь, пока ты не скажешь.

Движения его пальцев ускорились и слегка усилились, но потом выровнялись. В ответ София поддалась глубокому первобытному ритму. Дрожь, пробежавшая по ее бедрам, затопила все тело. Она дрожала и дрожала, и было в этом нечто неизбежное. Она не могла остановить ощущения, завладевавшие ее телом. Она не могла не поддаться им. Это было выше ее сил, и мысль об этом одновременно пугала и электризовала. Она стонала, прижимаясь к твердому телу Доминика и толкалась бедрами навстречу его пальцам, доводящим ее до исступления.

Она умоляла его прерывистым шепотом. Он говорил ей, что все хорошо, что она великолепная, ох, такая великолепная, и охрентельно сексуальная, и так соблазнительно извивается под его пальцами. Его слова и горячее бормотание его губ у самого уха довели ее до предела. Оргазм накрыл ее каскадом, прокатываясь по всему телу и заставляя ее трястись. Она попыталась сжать бедра, но не смогла, и они остались так же широко разведены в стороны. Вместо этого она вцепилась в руки Доминика, ища стабильности в мире, внезапно пошатнувшемся от ощущений.

Он не сразу убрал руку. Вместо этого он лишь замедлил движения, а потом и вовсе остановился. Он позволил своей руке накрывать ее интимные части, как будто защищая, и убрал лишь тогда, когда она сама зашевелилась.

— Это было... это... спасибо тебе.

София привалилась к его телу, повернув шею, чтобы посмотреть на него. На лице Доминика сияло довольное и гордое выражение, но она видела там и изумление. Как будто он знал, насколько потряс ее, и какое доставил ей удовольствие.

Вернувшись в свое тело, она более ясно ощутила его. Затем быстро осознала, что Доминик все еще возбужден. Можно даже сказать, что его член был еще тверже, чем ранее, а когда она переместила свой вес, мужчина издал сдавленный стон.

— Ты... ты не... — тихо сказала она.

— Мне и необязательно, — начал Доминик, но потом она коснулась его губ мягкими пальцами.

— Я хочу этого.

София встала, слегка покачнувшись от недавнего оргазма и легкой боли в поврежденной лодыжке, но повернулась к нему лицом. Медленно, очень медленно она стянула юбку вниз по бедрам и коснулась его лица.

Ее пальцы нежно скользнули по его рту, и когда Доминик приоткрыл губы, она скользнула пальчиками в его теплый влажный рот. Тут она осознала кое-что и прикусила губу, прежде чем спросить.

— Могу я поцеловать тебя?

Доминик выглядел ошарашенным, но быстро ответил:

— Конечно можешь.

Она наклонилась, и их первый поцелуй, во время которого она была раздета, а на его пальцах все еще оставалась ее влага, был нежным и сладким, всего лишь прикосновение их губ. Доминик показался ей вкусным, его губы оказались на удивление мягкими. София приоткрыла рот и задрожала, когда его язык скользнул между ее губами, пробуя ее на вкус точно так же, как она пробовала его.

— Сними свою одежду, — пробормотала она.

Доминик прервал поцелуй ровно настолько, чтобы раздеться догола за считанные секунды. Одетый он был красив, но обнаженный — просто прекрасен. Тело его было стройным и жестким, а когда София увидела его член, ее глаза невольно расширились. Крайняя плоть полностью сдвинулась, а на головке виднелась маленькая капелька прозрачной жидкости.

Доминик застонал, когда она коснулась его члена, и он поднял ее на руки. Он все еще действовал нежно, когда укладывал ее на постель, но в его движениях чувствовалась торопливость, говорившая о том, что она нужна ему в самом первобытном смысле. Он бережно прижал ее к постели, и когда он навис над ней, София задрожала от наслаждения. Она почувствовала, как член скользнул по ее бедру, и вспомнила кое-что.

— Эм... ты не можешь делать этого без презерватива, — выпалила она.

Слова прозвучали невежливо и громко, и София содрогнулась, внезапно решив, что все испортила. Однако вместо того, чтобы выглядеть сердитым или сбитым с толку, Доминик казался лишь расстроенным.

— Боги, я прошу прощения, — сказал он, протягивая руку туда, где лежали его джинсы. В бумажнике лежал пластиковый пакетик, и когда Доминик его вскрыл, внутри оказался презерватив. — Прошу прощения, — повторил он. — Я всегда ими пользуюсь, просто...

Он беспомощно пожал плечами, и София притянула его для нового поцелуя. Сейчас ей мало что хотелось обсуждать, особенно учитывая, что они могли заняться кое-чем другим.

Доминик развел ее колени с неприкрытым обещанием наслаждения, и она с готовностью открылась ему. Она была уже не такой чувствительной, как несколько мгновений назад, но восхитительное эхо дарованного им наслаждения еще не оставило ее. Оно все еще было там, и оно усилилось, когда София увидела, как эти прекрасные пальцы раскатывают презерватив по его возбужденному члену.

— Хорошо? — спросил он, и она знала, что даже в этот самый момент он остановится, если она попросит.

Вместо этого София улыбнулась и без слов протянула к нему руки, принимая его так

всецело, как только могла.

Доминик опустил ее на нее, и София обвила руками его шею. Она не могла прижаться к нему так близко, как хотелось, и ощутив, как его член слегка касается ее складочек, она застонала от удовольствия. Он двигался медленно и спустя несколько долгих секунд лишь протолкнул головку меж ее складочек, чтобы распределить влагу и заставить ее содрогаться от нужды.

— Скажи, что хочешь меня, — прорычал Доминик, и она знала, что он не спрашивает разрешения.

Она чувствовала его твердость и понимала, что ему нужно подтверждение ее нужды, ее возбуждения. Она прикусила губу. Она никогда не была самой смелой женщиной в мире, но каким-то образом, когда Доминик нависал над ней подобно богу урагана, она понимала, что может ею стать.

— Я хочу тебя, — сказала она, выгибая спину так, что они еще крепче прижались друг к другу. — Я хочу тебя... я хочу тебя внутри. Я хочу, чтобы ты был со мной. Ох, Доминик, я так хочу тебя...

Он издал нечто среднее между стоном и рычанием, и София чувствовала его дрожь, когда он проникал внутрь нее. Она затаила дыхание от того, как Доминик входил в ее самую чувствительную плоть. Она была влажной, и он легко скользил внутри нее.

— Так хорошо, — пробормотал он, склоняясь, чтобы запечатлеть поцелуй на ее губах. Они все еще целовались, когда он вошел в нее до упора.

Прошли годы с тех пор, как она в последний раз отдавалась мужчине таким образом, но боль, которой ожидала София, так и не пришла. Вместо нее было лишь дурманящее ощущение наполненности, целостности и совершенства. Казалось, прошла целая вечность прежде, чем он полностью взял ее. Он идеально наполнял ее, и приоткрыв глаза, она увидела, как он пристально смотрит на нее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да? — спросил он, и София кивнула.

— О да, Доминик, — прошептала София, и он начал двигаться в ней.

Она никогда не чувствовала ничего подобного, такого прекрасного ощущения завершенности или железного контроля, который этот мужчина имел над своим телом. Он двигался в ней медленными размеренными толчками, почти полностью выходя и вновь возвращаясь. София потерялась в ритме, шире раздвигая ноги и впиваясь пальцами в его плечи. Они оба отдались древнему ритму их тел, и она не осознала, что тихо вскрикивает, пока в горле не пересохло.

— Пожалуйста, — бессвязно прошептала она. — Мне нужно...

Доминик, казалось, понял, о чем она просит, приподнял бедра и принялся вминаться в нее быстрее и быстрее. Она чувствовала неудержимую силу его тела, как будто это была мощь в чистом проявлении. Было что-то восхитительное в том, чтобы покориться ему, и она покорялась всем своим сердцем.

К ее удивлению София вновь ощутила, как внизу живота собирается знакомое напряжение, и когда Доминик слегка изменил угол проникновения, это ощущение забурлило точно ведьмин котел, посылая потоки ощущений по всему ее телу. Она хотела видеть, как Доминик кончит, хотела наблюдать, как удовольствие разольется по его лицу, когда он возьмет предлагаемое ей. Но даруемое им наслаждение было слишком велико. Она могла сосредоточиться лишь на ощущениях собственного тела, на том, как она цеплялась за

высокое тело Доминика и как выкрикивала его имя.

Мощные толчки Доминика провели ее сквозь плато наслаждения, и внезапно все напряжение разом покинуло ее тело. Ее оргазм был не таким сильным, как первый, но он все равно завладел ей полностью, заставляя прикрыть глаза. Она хотела лишь этого мужчину, вот так, навсегда.

Доминик застонал, кончая. Он обхватил ее руками и прижал к своей груди. Было что-то невероятно интимное в том, как он зарылся лицом в ее волосы, шепча ее имя на ухо.

София лежала неподвижно, пока напряжение не покинуло их тела полностью, и его хватка медленно ослабла, позволяя ему медленно перевернуть их на бок. София ощущала глубинное умиротворение и благодать, затопившие ее.

— Спасибо, — тихо произнес Доминик, и она хихикнула.

— Кажется, это я тебя должна благодарить.

Доминик рассмеялся и поцеловал ее бровь поцелуем, скорее сладким, нежели чувственным.

— Наверное, это добрый знак, — вздохнул он, и прежде, чем София успела спросить, что за знак, она широко зевнула, чувствуя, как ее накрывает сильная дремота. Она боролась, пытаясь удержать глаза открытыми, но стресс из-за нападения и спасения, а потом и то, что они с Домиником только что проделали, взяли над ней верх.

Она соскользнула в сон. Она лишь смутно осознавала, что Доминик встал, чтобы избавиться от презерватива, а потом вернулся в узкую кровать, чтобы прижать ее к груди.

На полу, в кармане Доминика, кристалл кварца внезапно засветился ярко-красным, но никто из людей на кровати этого не заметил.

Глава 6

София спала беспокойно, но так было не всегда. Когда она была моложе, ее мать говорила, что она спит как камень, ожидающий конца света и никуда не торопящийся. Но потом ей исполнилось двадцать, и все изменилось.

В ее снах разбивалось стекло, звучали два мужских голоса, такие громкие, что их можно было назвать лишь боевыми кличами, и она бежала, бежала, бежала. Ладони и колени разодраны и сочились кровью, но она знала, что должна укрыться. Она будет в безопасности, если никто не сможет ее видеть. Она знала это. И пока никто не знает ее местоположение, она в безопасности.

София открыла глаза, совершенно не понимая, почему вдруг проснулась в пять утра. Сквозь закрытые жалюзи пробивалось немного света, но в остальном помещении оставалось приглушенного жемчужно-серого цвета. Было бы замечательно, будь она утренней пташкой, но это вовсе не в ее духе.

Затем она осознала, что рядом с ней лежит мужчина, обнимающий ее, одна тяжелая рука покоилась на ее бедре, а над ухом раздавался тихий храп. Она застыла, но потом события прошлого дня нахлынули на нее. Она вспомнила мужчину в переулке и свое спасение. София покраснела, вспомнив, как они смотрели друг на друга, как ублажали друг друга, пока оба не выбились из сил. У нее никогда раньше не было случайного секса на одну ночь, и ей сделалось больно от мысли, что Доминик в любой момент может открыть глаза, подарить чинный поцелуй и уйти из ее жизни навеки. Она попыталась представить, как умудренная жизнью женщина справилась бы с этой ситуацией, но вместо этого ощутила лишь панику. Она бесшумно выскользнула из-под его руки и увидела, как Зора сидит на

кресле напротив и наблюдает за ней умными зелеными глазами.

Сохраняй спокойствие, казалось, хотела сказать ее кошка. *Просто сохраняй спокойствие, остальное приложится.*

Или ты просто кушать хочешь, мрачно подумала София.

Она бесшумно подошла к шкафу, чтобы одеться, а потом направилась на кухню, чтобы наполнить кошачью миску. Вернувшись в спальню, она невольно скользнула взглядом к огромному телу Доминика, которое занимало всю ее постель и немного больше. София осознала, что ему должно быть дьявольски неудобно на узкой кровати, но он все равно остался.

Ее разум наводнили противоречивые мысли, но сердце уже таяло перед этим мужчиной. И тело тоже. По всему телу разливалась слабая приятная усталость, от которой София невольно улыбалась — и несомненно, если Доминик проснется и захочет еще, она с радостью вернется в постель.

Совершенно неосознанно она потянулась, чтобы повесить его футболку и джинсы на стул, и подвинуть ботинки в сторону. Проживание в небольшом пространстве приучило ее убирать все с дороги, и проделав это, она осознала, что его ботинки намного тяжелее, чем должны быть. Недолго думая, она посмотрела поближе и с изумлением уставилась на увиденное.

Ботинки такого фасона были ей прекрасно известны, высокие, пригодные для оперативной работы или строительства. Однако кинжалы, спрятанные в ножнах по обе стороны ботинок, стали неожиданностью, и София невольно выпучила глаза, вытаскив один из них.

Лезвие было в полтора раза длиннее ее ладони, изящное и прекрасное как балерина. Рукоятка кожаная и поношенная от долгого использования в руках Доминика. Боязливо коснувшись кончика кинжала, София с ужасом увидела практически немедленно выступившую капельку красной крови. Она поспешно засунула кинжал обратно в ножны, едва не споткнувшись о Зору, которая пошла разведать, чем там она занимается.

Она отпихнула кошку в сторону, но потом увидела, как та легонько топчется на джинсах Доминика.

Электрошокер, сказал он беспечно, но подойдя посмотреть, она нашла лишь странное украшение с кристаллом, телефон и бумажник. Она непроизвольно задалась вопросом, совпадет ли имя в бумажнике с тем, что он ей назвал, но тут Доминик застонал и заворочался, и она поспешно засунула все обратно в его джинсы.

София съежилась, когда Доминик принял сидячее положение, и весь ее страх и опасения накрыли ее волной. Она застыла на месте, пока он сонно моргал, и наблюдала, как он осматривает крошечную комнатку, видимо, ища ее.

— София? — позвал он.

Не будь она так напугана кинжалами, она почувствовала бы себя просто ужасно от того, как неуверенно прозвучал его голос. Как будто уверенный, что она не ушла бы, Доминик прошел мимо нее на кухню и заглянул в ванную, где раскрытая дверь показывала, что никто не чистит зубы и не принимает душ. Он даже открыл дверь шкафа, и когда поиски не принесли результатов, он осмотрелся вокруг с печалью и смущением в глазах.

София стояла абсолютно неподвижно. Она не раз бывала в подобных ситуациях из-за работы, и хоть это не поддавалось объяснению, ее странный дар никогда ее не подводил. В детстве она всегда была чемпионом по игре в прятки, но за последние несколько лет поняла,

что все намного серьезнее.

Она распласталась по стене, не желая стоять там, где он мог захотеть пройти, и он несколько раз прошел мимо нее, меряя шагами комнату. София думала, что он оденется и уйдет. Но хоть Доминик и натянул на себя футболку и джинсы, он не собирался никуда уходить. Он заправил постель, выбросил упаковку от презерватива, приземлившуюся на пол, и с надеждой открыл холодильник. Но там нашелся лишь домашний творог и несвежее молоко. Доминик издал звук, напоминавший что-то среднее между грустью и жалостью. София наблюдала, как он уселся на кровать, и к ее удивлению, Зора подошла к нему и подставила голову для ласк.

— Ты умный маленький зверек, ну разве не так? — спросил он со смешком, почесывая ее за ушками и вынуждая замурлыкать.

— Полагаю, ты не можешь сказать мне, что София ушла за пончиками или типа того? — спросил Доминик с надеждой, и хоть Зора всячески выказывала сочувствие, ответа не последовало.

Он вздохнул, снова посмотрев на дверь, и со своего места у стены София видела беспокойство на его лице. Она почти поддалась соблазну выдать себя, даже если это могло напугать его, но тут его телефон зазвонил.

Доминик немедленно ответил. Его манера держаться тут же сменилась с расслабленной на резкую. Это напомнило Софии о военной выправке, и она задрожала.

— Сэр. Нет, пока никакого прогресса. Нет... нет, никаких признаков, но...

Он вытащил тот самый кристалл, и София увидела, как он слегка поразился и нахмурился.

— Нет, не о чем докладывать, — сказал он. — Но если Стефан там, мне нужно с ним поговорить.

Доминик принялся ходить туда-сюда, и хоть военная выправка ушла, все равно оставалось что-то резкое в его манере двигаться и говорить. Нежный любовник прошлой ночи исчез. На его месте появился некто совершенной другой. Этот мужчина был опасен, этот мужчина был вооружен. Она не знала, что чувствует к нему теперь, хоть ее сердце уверяло, что она прекрасно это знает.

— Ага, Стефан, знаешь, что ты говорил о том, как хороши твои амулеты? Ну так вот, ты ошибался. Эта штука выглядит как конфетка из камня.

Он помедлил, хмурясь в пустоту, и его взгляд скользнул по Софии, совершенно ее не замечая. Она задрожала от того, каким напряженным был его взгляд, каким резким и очень злым казался этот мужчина. Если бы она могла влиться в стену, она бы уже это сделала.

— Нет, я не знаю, как его починить. Ты же меня знаешь, я интернетом-то кое-как пользуюсь. Нет, плевать я хотел на то, как удобен видео-чат. Не уходи от темы, приятель.

Он внимательно слушал, несколько раз подбросив кристалл в руке.

— Ага, нет. Я возьмусь за дело, немного поброжу вокруг. Возможно, она перебралась в другой город.

Она?

— Ага. Ага. Вчера я заметил пару мерцаний, и был уверен, что нахожусь в нужном районе. Мне дерьмово не повезло, если она села на самолет, но если нет, я ее найду. Я ищу уже две недели, и мне не повредит немного задержаться.

Он рассмеялся, и в этом смехе звучала горестная нотка.

— Девочка не хочет быть найденной, это точно, и когда это случится, у меня для нее не

лучшие новости.

Быстрее, чем София успела разглядеть, он нагнулся и достал один кинжал из ботинка. Доминик подбросил его и поймал, слушая, что рассказывает ему мужчина на другом конце линии. Сияющее лезвие завертелось в воздухе, и София могла лишь в ужасе гадать, что за плохие новости имеет в виду Доминик.

— Я найду ее.

Абсолютная решительность, звучавшая в голосе Доминика, шокировала Софию. Ничего не осталось от нежного любовника, с которым она познакомилась накануне, ни капли доброты, которую он выказывал в ее адрес. Вот это был настоящий облик этого мужчины, хоть ее сердце и протестовало, что это не может быть правдой.

— Она в бегах четыре года. Ну, Финикс, штат Аризона — далековато от Милуоки, так что она наверняка научилась паре фокусов.

Если предыдущие слова вызвали мурашки, то эти превратили ее кровь в лед. Прошло четыре года с тех пор, как она улетела из Финикса, с той самой судьбоносной ночи, когда ее жизнь изменилась. Она осознала, что знакомый ей мир — лишь хрупкая яичная скорлупка, плывущая по поверхности очень глубокого и очень темного океана. София боролась с паникой, которая подступала к горлу, и изо всех сил покачала головой. Она не могла позволить себе сорваться, только не тогда, когда пряталась в считанных дюймах от Доминика. Научилась паре фокусов после Финикса? Определенно.

— Конечно. Конечно. Я пушусь в дорогу, и надеюсь... Что?

Он нахмурился, и София напряглась.

— Я не хочу об этом говорить. Она не какой-то кусок мяса, ясно тебе, Стефан? Она...

Пока мужчина на другом конце линии говорил, Доминик всем своим видом выражал нетерпение, но потом, к удивлению и шоку Софии, он широко улыбнулся. Улыбка была солнечной и изумительно мальчишеской, и хоть ее сердце зашлось криком, она помнила, как кинжал перевернулся в воздухе, каким суровым и зловещим Доминик был всего мгновение назад.

— Она потрясающая, и давай на этом закроем тему, ладно? Мы... увидим, как все обернется. Может, по возвращению я расскажу тебе больше.

Доминик положил трубку и осмотрел ее квартирку. На столе он нашел кусочек бумаги. Несколько долгих секунд поколебавшись, он начал писать. Закончив, он сложил бумагу и оставил по центру стола. Когда он направился к двери, Зора пошла следом, тихо мяукая.

С изумленным смешком Доминик опустил на колени, чтобы приласкать ее.

— Она сказала, что ты стеснительная, но возможно она говорила о себе, да? Что думаешь, малышка?

Зора лишь терлась об его руку, и Доминик покачал головой, вставая.

— Замолви за меня словечко, ладно? У меня такое чувство, что это мне понадобится.

Покачав головой, Доминик снял цепочку с двери и остановился. София задержала дыхание, и они оба одновременно осознали, что если цепочка все еще на месте, она не могла уйти через дверь. Он быстро переместился к окну, чтобы убедиться, что там не было пожарного выхода, а потом выражение его лица заметно посуровело. Он медленно обошел квартиру, Зора следовала за ним по пятам, и в этот раз София видела, что он использует какую-то технику. Он начал с одного угла и, к ее ужасу, вытянул руки, будто пытаясь поймать нечто невидимое.

Запаниковав, София задержала дыхание и поднырнула под его руку, а когда он прошел

мимо, она вскочила на батарею, убираясь с дороги.

Доминик искал добрых пятнадцать минут, но наконец покачал головой.

— Ладно, — сказал он вслух. — Ладно.

Он аккуратно закрыл за собой дверь, и почти час после его ухода София не осмеливалась дышать свободно.

А потом, убедившись, что он ушел и она может свободно перемещаться, София взяла оставленный им клочок бумаги. Развернув его, она первым делом подумала о том, какой хороший у него почерк. Он писал твердой и уверенной рукой, темной и смелой.

София.

Мне жаль, что я тебя упустил, и я могу лишь надеяться, что ничто из того, что я сделал прошлой ночью, не обидело тебя и не создало впечатления, будто тебе нужно бежать. Мне самому нужно уйти, но пожалуйста, я хочу увидеть тебя вновь. Я понимаю, что может быть сложно понять, кому можно доверить такие интимные вещи, и я понимаю, если ты захочешь, чтобы прошлая ночь осталась лишь воспоминанием, однако я буду лелеять память о ней.

Я хочу увидеть тебя еще раз. Пожалуйста. Ты можешь связаться со мной по номеру, оставленному ниже. Я обязательно возьму трубку, если смогу.

Мне столько всего нужно тебе сказать, но прямо сейчас я скажу лишь, что ты прекрасная женщина, и я хочу узнать тебя получше.

Доминик.

Глава 7

Здание, в котором работала София, было потрясающим. Это одно из тех зданий в центре Милуоки в духе флорентийского возрождения, датирующихся тем периодом, когда город решил, что неплохо будет добавить нотку Ренессанса в город на Среднем Западе Соединенных Штатов. Во многих смыслах это было незаметное здание. Хоть магазины спереди — старенький книжный магазин и эксклюзивный спа-салон — хорошо разрекламированы, попасть в службу расследований Брента Кенигера можно было только через черный ход и вверх по узкому лестничному пролету.

Однажды София спросила босса, почему он выбрал такое неудобное место, и он криво улыбнулся.

— Кто хочет, чтобы его видели входящим в офис частного сыщика? — спросил он. — Если кто-то тебя видит, они знают, что ты думаешь, будто кто-то кому-то изменяет. Давным-давно, когда меня тоже кормили ноги, я устраивался в офисах конкурентов и наблюдал, окажется ли кто-нибудь достаточно умен, чтобы послать сыщика за моим клиентом.

Коридор, ведущий к офису Брента, был узким и темным, но за последний год София почти привыкла к этому. Когда она открывала дверь и попадала на свое рабочее место, оно того стоило. Стену занимал ряд окон от пола до потолка, которые пропускали яркий свет позднего утра. Ее стол находился у стены, откуда Софии было видно главный вход. По другую сторону комнаты ожидания располагался офис Брента.

София оставила сумочку за столом и проверила маленькую табличку, висевшую на дверной ручке. Она висела зеленой стороной наружу, а не красной, и София поняла, что в данный момент он ни с кем не говорит.

— Босс? Ты там? У меня для тебя кое-что есть.

— Входи.

Брент Кенигер из Службы Расследований Кенигера однажды сказал Софии, что ему пятьдесят восемь лет. Но когда она спросила, в чем же его секрет, он лишь странно рассмеялся. Он ответил, что это куда сильнее связано с ведьмами, чем ей может показаться возможным. Хоть ему и почти шестьдесят, никто не дал бы и дня старше сорока. Некоторым клиентам казалось, что он намного моложе, и никакие из их предположений не удивляли Софию.

Он был худощавым мужчиной с быстрой походкой и серыми глазами, которые острым как лазер взглядом впивались в его собеседника. Софии он казался ничем иным, как охотящимся ястребом. Она часто говорила, что счастлива избежать участи его добычи, и в этом было больше правды, чем шутки.

Сегодня он был одет в строгий синий костюм, и внимание Софии привлекла булавка для галстука в виде очаровательного маленького меча.

— Фамильная ценность или как? — спросила она, и Брент пожал плечами.

— Или как, — ответил он. — Что у тебя для меня есть?

София протянула ему телефон. Он пролистал фотографии, сделанные ею прошлой ночью. Через его плечо София видела мужчину, которого она искала, стоящим на балконе и очевидно голым под халатом. Не в первый раз она задумалась, как почувствует себя его жена, увидев эти снимки. Это не был счастливый брак, и обеим сторонам было бы лучше порознь, чем вместе, но все же видеть улики такого предательства — это другое.

Брент присвистнул, добравшись до последнего фото, на котором было лицо мужчины, искажившееся от ярости.

— Кажется, ты попала, чемпионка.

— И как, — София содрогнулась. Ее лодыжка почти пришла в норму, но если наступить на нее слишком сильно, все равно было больно. — Тебе лучше отдать это миссис Тернер как можно скорее. Если у этого парня есть хоть немного интуиции, он подаст иск сегодня же днем.

Брент перекинул фотографии на свой компьютер, и София улыбнулась, видя, как спокойно он управляет с процедурой. Брент хорошо делал свою работу, но был крайне далек от технологий. Поэтому он и взял Софию, и год спустя она с удовлетворением наблюдала, что он потихоньку наверстывает упущенное. Кто-то мог бы подумать, что она беспечно относится к сохранению своего рабочего места, но по правде говоря, она рано или поздно уйдет.

Ее мысли вновь перенесли к Доминику, и она осознала, что это случится скорее рано, чем поздно.

— Что с тобой? Ты как будто на другую планету унеслась.

— Ну...

— Выкладывай. Ты знаешь, что меня ты не шокируешь.

София покраснела, и Брент со смешком присвистнул. Она покачала головой, сдаваясь.

— После того, как этот парень на меня набросился... ну, вообще-то он меня поймал...

Брент нахмурился.

— Что я тебе говорил? Деньги не стоят твоей шкуры. Никогда не стоят.

— Я знаю, знаю. Я уже убиралась оттуда, но подвернула лодыжку. Он, наверное, разбил бы мой телефон, и меня тоже прибил бы, если бы мне не пришла подмога, — София пожалала плечами. — Все закончилось хорошо. Этот парень, свернувший с улицы, разнял нас. Он подумал, что меня грабят, и я позволила ему и дальше так думать. Он обратил мистера

Тернера в бегство и помог мне добраться до дома.

— Помог добраться до дома? Малышка, ты же знаешь, что это опасно?

Когда София умолкла, взгляд Брента сделался еще острее, вновь напоминая ей охотящегося ястреба, который не остановится, пока добыча не повиснет в его когтях.

— Ты знаешь, но это еще не все, верно?

— Слушай, Брент, серьезно, я хочу вернуться к работе, я работаю над...

— Неважно.

Брент поднялся так быстро и плавно, что ее это напугало. Он захлопнул за ней дверь и запер замок, и когда он вновь повернулся к Софии, лицо его было смертельно серьезным.

— Парень, который спас тебя. Как он выглядел?

София заглушила первые воспоминания, пришедшие на ум, поскольку сомневалась, что ее босс хочет слышать, каким привлекательным был Доминик.

— Эм. Большой. В очень хорошей форме. Блондин, глаза зеленые, кажется.

Ответ, казалось, не удовлетворил ее босса.

— Он был привлекательным?

— Эм, ого, босс, ты ищешь себе пару на свидание?

— Нет, ведь моя жена умерла много лет назад, — нетерпеливо сказал Брент. — Отвечай на вопрос.

— Ну, эм, раз уж ты спрашиваешь, эээ... да, думаю, он был привлекательным. Ты понимаешь, что крайне странно слышать, как ты задаешь мне такой вопрос?

— Ничуть. Слушай, малышка, ты должна остаться у меня.

София разинула рот. Обычно она искусно выходила сухой из воды. Однажды она даже умудрилась с помощью разговоров избежать разборок с очень пьяным и очень крупным мужчиной, которого обвиняли в мошенничестве со страховкой и который зажал ее в углу мужского туалета в баре. Она вполне осознавала свою способность избегать проблем, но прямо сейчас не была уверена, столкнулась ли она с проблемой, и тем более с какой именно.

— Слушай, Брент, я не знаю, что творится у тебя в голове, но нет. Это не то, что происходит. Я не думаю, что одна плохая ночь (плохая ночь, которой не дали стать еще хуже, позволь добавить) — это то, от чего мне стоит бежать и прятаться.

— В твоей квартире небезопасно. Тебе нужно остаться у меня.

София рассмеялась, уставившись на Брента широко раскрытыми глазами.

— Ты серьезно устроишь мне это отцовское дерьмо? Какого черта?

— Ты в опасности, — упрямо повторил Брент. — В этом месте ты уязвима, и если сейчас ты не сделаешь, как я говорю, ты об этом пожалеешь.

Произнося эти слова, он встал и вышел из-за стола. Теперь он встал вплотную к Софии, нависая над ней, и взгляд этих глаз был остер и тверд как камень. Она видела, что делает с клиентами острота этого взгляда. Она видела, как взрослые мужчины и женщины съеживаются как дети.

Однако она же помогала Бренту усвоить открытие, что он не может проверить почту, если нет интернета. Каким-то образом этот разговор дал ей силы сделать шаг назад.

— Нет. Это не обсуждается, Брент. Ты мой босс, и ты хороший босс. Но ты не мой отец. Ты не можешь устраивать хрень в духе "не в моем доме, юная леди". А теперь я пойду и заполню бумаги по тому новому расследованию с мошенничеством, или ты продолжишь на меня наезжать? Потому что если ты выберешь второй вариант, я просто уйду.

Брент долгую секунду смотрел ей в глаза, и когда София уже чувствовала, как от его

напряженного взгляда на лбу начинают выступать капельки пота, он отвернулся.

— Я просто беспокоюсь о тебе, понимаешь, — пробормотал он. — Там небезопасно.

— Ничуть не безопаснее было, когда ты посылал меня шпионить за теми парнями на собачий бойцовский ринг, но я это сделала. Мы закончили?

— Ладно. Закончили.

В том, как он это сказал, звучало какое-то странное равнодушие, и по спине побежали мурашки. София не была уверена, что именно они "закончили", но от его взгляда она чувствовала себя не человеком, а кем-то низшим. От этого по коже пробежал холодок, но это не могло быть правдой. Она отбросила это чувство.

— Рада слышать, босс. Я заполню кое-какие бумаги, а потом поеду в пригород по делу этого Хеннинга. Обещаю позвонить, если влезу в неприятности, хорошо?

— Не могу тебе ничего указывать, — проворчал Brent. — Будь осторожна. Я не плачу тебе достаточно страховки, чтобы ты могла позволить себе пострадать.

— Ну так чья это вина? — с облегчением спросила София.

Весь этот инцидент был странным, но в этом весь Brent. Он был странным, чокнутым и прямо-таки неприятным, если ему перейти дорогу, но в целом он всегда присматривал за ней.

Решительно настроившись оставить все это позади, она просто отперла дверь и вышла во внешний офис, радуясь возможности вернуться к работе.

Глава 8

Когда дверь за Софией закрылась, Brent выпрямился. Стоя во весь рост как штык, он мог сойти за мужчину лет тридцати. Под этим костюмом, сшитым так, чтобы морщиться, исказить и свисать с него как бумажный пакет, таилось сильное мускулистое тело. Когда он позволил лицу сбросить мрачное выражение и расслабиться, создалось впечатление, что совершенно другой человек влез в одежду Brentа Кенигера.

Глядя в окно, Brent коснулся булавки в виде меча. Он мог видеть парковку, а за ней — обширную поверхность озера. Он пробыл в Милуоки всего несколько лет. Это лишь точка в его очень долгой жизни, но она причиняла боль. Как и многие другие вещи.

Однако теперь шестеренки закрутились. Все изменится. Его рука лежала на телефон. Он мог набрать номер и взбудоражить весь город. Он вновь коснулся меча на галстук и убрал руку.

В соседней комнате София занималась документами. Вскоре она вновь отправится в город, и рано или поздно ее найдут. Он мог подождать.

Глава 9

Одно из преимуществ принадлежности к Корпусу Магов, подумал Доминик, это то, что по сути он мог отправиться куда угодно. Милуоки был для него открытой книгой, и если для входа куда-либо ему требовались деньги или полномочия, ему и того, и другого хватало с избытком. Вот почему примерно в два часа пополудни он обнаружил себя стоящим на самой вершине здания Банка Соединенных Штатов — самого высокого здания в городе. Подкупленный сотрудник из обслуживающего персонала позволил ему подняться, и теперь Доминик стоял здесь один. Слева простиралось озеро, справа — город. Он и не думал, что найдет здесь свой шальной сигнал, да и маловероятно, что он засечет ее с такой высоты, но Доминик понимал, что его сердце искало иного.

Несмотря на заверения Стефана, кристалл упрямо оставался темным. Доминик был готов швырнуть его с крыши и позволить разбиться. Он мог поискать еще в нескольких местах, но ни одно из них не было многообещающим. Ковен Милуоки был крайне маленьким и скрытным, и хоть они покорятся его власти, скорее всего, они будут оставаться максимально упрямыми и не помогающими.

Он мог бы запросить подкрепления у Командира, но в лучшем случае ему пришлют Стефана, об амулетах которого ходили легенды по всему Корпусу. Даже если он получит Стефана — что маловероятно, поскольку Стефан крайне востребован — амулет Стефана пока что был не очень полезен.

Однако наедине с ветром и водой Доминик признался себе, что проблема была не только в отсутствии успеха. Он шел и по более холодным следам, более опасным и более безнадежным, но ни один из этих следов не приводил к знакомству с кем-то вроде Софии.

Он не мог это себе объяснить. Это было нечто большее, чем просто секс, и не просто то, как она смотрела на него снизу вверх своими милыми темными глазками. Дело в том, как она всецело отдавалась ему без капли застенчивости. За свою долгую жизнь Доминик был со многими женщинами, и все же ни одна из них не повлияла на него так, как София. Он помнил ее прикосновения, как будто они отпечатались на его коже, и после утреннего исчезновения он гадал, не будет ли носить без нее другую метку.

Ее исчезновение не имело никакого смысла, но он был причастен к множеству бессмысленных вещей. Это казалось чем-то странно простым или просто странным. Ответы были, но ради всего святого, он не мог их найти. Существовало столько вещей, о которых ему лучше побеспокоиться вместо поисков женщины, покинувшей его постель, но сейчас было крайне сложно убедить себя в этом.

Зазвонил его телефон, и Доминик отрешенно ткнул в него пальцем.

— Берретт слушает.

— Это Стефан, ты в безопасности?

Берретт нахмурился.

— Какого хрена ты это спрашиваешь?

— Пароль один-один-семь-четыре-восемь-девять-один, Чарли Дельта Танго. Повторяю, ты в безопасности?

Доминик моргнул. Это был высший код авторизации между ним и Стефаном, и от того, с какой каменной серьезностью это озвучил Стефан, по спине прошла дрожь.

— Доминик Берретт, семь-один-четыре-четыре-два-один-два, Эхо Эхо Виктор. Подтверждаю безопасность. Так какого хрена происходит?

— Возможно, ничего, — резко ответил Стефан. — Но если это происходит, все будет очень, очень плохо. Один из наших источников с вражеской стороны сообщает, что в городе могут быть тамплиеры.

— Ты шутишь.

— Хотелось бы, приятель. Источник безукоризненный, и они определенно говорят "возможно". Командир пока не хочет собирать команду, но я хотел позвонить тебе и сообщить о ситуации. Кроме того, если ты считаешь, что нам нужно больше ног на этой земле, я хочу, чтобы ты имел возможность принять это решение.

— Ответ отрицательный. Мне здесь не нужно еще больше ребят, определенно нет. Но боги на небесах, тамплиеры? Мы отогнали их на юг два года назад и с тех пор не слышали о них севернее Теннесси.

— Эй, я знаю, как это звучит. В последний раз, когда мы о них слышали, они зализывали раны в каком-то тропическом раю, который скорее всего спалили дотла, если решили, что в пальмах есть черная магия. Слушай, я знаю этот источник, и она не лжет. Будь осторожен, ладно?

— Да, ты же знаешь.

Доминик повесил трубку, и внутри расцвело дурное предчувствие, преследовавшее его с тех самых пор, как он утром ушел из квартиры Софии. Его миссия — одно, но тамплиеры — это совсем другое. Древняя война перешла в кратковременное затишье, но в данный момент никому ничего не было известно, и Корпус Магов начинал нервничать. Однако присутствие тамплиеров превращало простое, пусть и раздражающее задание в вероятность полноценной битвы. Доминик думал, как ему действовать дальше. Он гадал, как бы поступил его наставник.

Старик был реликвией иных времен во многих смыслах. Он называл себя Альфонсо и утверждал, что помнит времена до бронзового века, хотя шутит он или говорит серьезно, истолковать всегда можно было по-разному.

— Показывай им только то, что хочешь показать, — говорил он Доминику. — Покажи им силу. Покажи им коварство. Но прежде всего не показывай им своего сердца.

Доминик сделал глубокий вдох и посмотрел на кристально чистое голубое небо. Стоял очередной прекрасный летний денек без единого облачка. Делая глубокий вдох, он поднял руку над головой и ощутил, как первые искорки начинают покалывать кожу. Впрочем, они быстро усилились, и он слишком долго удерживал электричество после того случая, когда дал отпор неудавшемуся грабителю. От этого возникало легкое ощущение опасности — от удерживания такой мощи чистой силой воли и использования своего тела как ее средоточия. Доминик позволил этой мощи нарастать, и он знал, что если бы кто-то смотрел на него сейчас, то увидел бы, что все его тело светится, молния по спирали обвивает туловище, руки и голову. Одним рывком он выпустил ее, и гигантский излом синей молнии расколол небо. Он сопровождался почти оглушительным грохотом, и Берретт покачнулся, чувствуя легкое головокружение.

Удар молнии таких размеров и форм редко когда требовался, если не считать разгара сражения, но провалиться ему на этом месте, если это не впечатляло.

— Вот, — прошептал Доминик. — Теперь вы знаете, что я тоже здесь.

Глава 10

Сегодняшнее задание было намного лучше, чем задание с мистером Тернером на прошлых выходных. Этого мужчину, Грега Бёрнса, также подозревали в том, что он спит с другой женщиной, но в отличие от дела Тернера, София здесь оказалась не потому, что кому-то нужно защитить сделку или добрачное соглашение. Напротив, все потому, что Аманда Бёрнс пришла в офис с конвертом, полным денег, и отчаявшимся взглядом.

Аманда была пухлой женщиной средних лет с морщинками от смеха вокруг глаз, волосы ее были подстрижены в практичном стиле подрезал-и-пошел. В их офисе ей было совершенно некомфортно, а когда София деликатно поинтересовалась, что ей нужно, женщина разрыдалась.

— Я не... я не хочу держать его, если он не хочет быть со мной, — объяснила Аманда. — Я и раньше была одна, и могу вновь быть одна, это тяжело, но я могу это сделать. Мне просто нужно знать.

По словам Аманды, Грег Бёрнс вел себя странно последние три месяца. Все это время он то был усталым и срывался на нее, то осыпал жену вниманием. Она не знала, то ли он будет злиться из-за того, что идет по телевизору, то ли предложит ей пойти потанцевать, чего они не делали годами. В конечном итоге такое поведение казалось обманом. София уже хотела сказать женщине сэкономить деньги — ее муж явно ей изменяет.

— Но он обещал мне, что не станет этого делать, — настаивала Аманда. — Если бы вы его знали, вы бы поняли. Мне просто нужно знать.

Мне просто нужно знать. Эти слова повторял практически каждый, кто входит в офис службы расследований Кенигера. София вздохнула. Она протянула Аманде коробку салфеток и пошла обсудить это с Brentом.

— Возьми деньги, дай ей то, о чем она просит, — сказал Brent, пожав плечами. — Это будет несложно, малышка.

Если даже она начинала уставать от вероломства вечных обещаний, то можно лишь вообразить себе, как это действует на Brentа. София кивнула, но все же что-то здесь ее беспокоило, что-то подсказывало, что это не просто очередная задача поймать на измене.

Вот почему она следовала за Грегом Бёрнсом в его непривлекательной Тойоте. Она пребывала в достаточно хорошем состоянии, чтобы не заглохнуть и не быть увезенной на штраф-стоянку, но в то же время была достаточно невзрачной, чтобы никто не взглянул на нее дважды. Грег Бёрнс водил средних размеров седан, неприметный во всех смыслах. София цинично подумала, что его любовница, скорее всего, подшучивает над этой машиной, когда его нет рядом.

На мгновение она задалась вопросом, поедет ли он в модный район южнее центра города, где встретится с милой девочкой вдвое младше его, или же поедет на север в дом дорогого эскорта.

Однако он не сделал ни того, ни другого. Какое-то время он нарезал бессмысленные на первый взгляд круги, а потом заехал в МакАвто. София следила за ним с безопасного расстояния, все больше теряясь в догадках, когда он свернул на обочину и съел свою еду. Она не видела выражения его лица, но он несколько раз опускал голову, как будто скорбел или был крайне измучен.

Они оба на мгновение отвлеклись на вспышку молнии, ударившей посреди ясного летнего неба. Возможно, это всего лишь освещение на одном из зданий вышло из строя, или же за домами сгустились тучи, незаметные им, но у Софии по коже побежали мурашки.

Грег Бёрнс вновь завел двигатель. Софии показалось, что мужчина, возможно, просто в депрессии. Подобное несложно будет сообщить Аманде, хотя поверит она или нет — это уже совсем другая история.

Грег вырулил на скоростную автостраду, но вместо того, чтобы направиться домой, он свернул на незнакомый Софии выезд. Она последовала за ним по съезду, вниз по дороге и, пропустив перед собой несколько машин, въехала на парковку у больницы.

Она оплатила парковочное место и притаилась, пока не нашла его седан. Затем принялась ждать, и живот ее скручивался узлами. Этого и искала Аманда. Если бы у Софии полчаса назад спросили, хочет ли она сказать Аманде, что Грег изменяет, она была бы в восторге. Но вместо этого ожидание предстоящих событий преследовало ее, осело как камень в животе, и она не знала, что делать. Больше часа она просидела в машине. Она проголодалась, но игнорировала это. Ей хотелось пить, но и это тоже проигнорировала.

Примерно в четыре часа пополудни Грег вновь появился и забрался в машину. Однако

он не тронулся с места, и напряжение Софии все росло и росло.

У тебя достаточно сведений для Аманды, сказала она себе. Это не твое дело. Вообще не твое.

Казалось, всю свою жизнь София провела, держась в стороне. Ее мать как-то раз сказала, что ее темные глаза ничего не упускают. Если хочешь знать что-нибудь, всегда можно спросить у Софии. Она не из тех, кто утешают людей. Она не из тех, кто принимает на себя ответственность.

София знала, что ей лучше уехать, но вместо этого она вздохнула и выбралась из машины. Она видела, как удивился Грег, когда она подошла и встала возле его машины. Его глаза покраснели. Как и Аманда, он был мужчиной средних лет с копной неуправляемых волос, которые оставались такими с подростковых лет. Легко было заметить, как они с Амандой подходят друг другу, и почему она так страдала и растерялась, подозревая, что он спит с другой женщиной.

София постучала по стеклу. Поначалу он не понимал, зачем она здесь. Затем, обеспокоившись и слегка насторожившись, он наполовину опустил окон.

— Могу я вам помочь?

На мгновение София сомневалась, как именно она хочет действовать дальше. Одно дело видеть зарождение и развитие трагедии. И совершенно другое — пытаться найти способ это остановить. Она никогда прежде этого не делала. В какой-то момент она даже подумала о том, чтобы уйти. Она видела, как его взгляд начинает бродить вокруг, будто Грег и забыл, что кто-то стоит рядом с его машиной. Но София подумала об Аманде и решительно покачала головой.

— Вы должны сказать ей.

— Что?

— Вы должны сказать ей. Она заслуживает знать.

Слезы навернулись на его глаза, и София не могла сказать, были ли это слезы злости или печали.

— Все хорошо, — выдавил Грег. — Это не смертельно, они говорят, что заметили вовремя. Они говорят... они говорят, что я возможно буду в порядке, но она... у нее сердце больное, она волнуется, она испугается...

— Она должна знать, — строго сказала София, понимая, что ее голос звучит все громче. — Вы любите ее, и она должна знать, сэр.

— Я... я не могу...

— Можете. Потому что она узнает сама, и тогда уже никогда не сможет вам доверять.

Слова, казалось, ударили по мужчине не слабее физического удара, и он повесил голову. Долгое время он молчал.

— Кто вы? — спросил Грег. — Какое вам дело?

— Скажем... давайте скажем, что я друг. Просто скажите ей.

Он долгое время смотрел ей в глаза и наконец кивнул.

Софии хотелось бы иметь возможность сказать ему, что все будет хорошо. Что они с Амандой будут вместе, что бы ни случилось. Но она не могла. Вместо этого она вернулась в машину и сидела там, пока он не уехал.

Ее мысли вернулись к Доминику. Она с отчетливой ясностью помнила его руки на своем теле, очаровательную мальчишескую улыбку на его лице и то, как его дыхание ощущалось на ее шее.

— Я хочу тебя, — прошептала София, и на другом конце города, к бескрайнему изумлению Доминика, кварц в его руках засиял намного ярче, чем прежде, и тут же вновь погас.

Глава 11

Следующие несколько дней стали кошмаром. С работой все было хорошо, пусть и проблемно, и худшее, что случилось с Софией — это хлопанье дверью перед ее носом, когда она разыскивала наследников умершего человека. Нет, настоящим кошмаром стал Brent.

Он уважал ее нежелание говорить о том, чтобы перебраться в его дом, но его неодобрение как мокрое полотенце висело над Софией и всей ее работой. Всякий раз, находясь в офисе, она съеживалась под его пронзительным взглядом. Поднимая взгляд, она не раз замечала его в дверном проеме, просто наблюдающего за ней. Все дошло до того, что София начала выдумывать предлоги, чтобы делать свою работу в дороге или в библиотеке. Когда наконец наступила пятница, она радовалась провести пару дней вдали от него.

Мне он очень нравится, но черт подери, иногда он просто жуткий.

Пятница была столь же прекрасной, как и остальная неделя, но легкий холодок в воздухе указывал на приближение дождя. Широко улыбаясь, София вошла в небольшой парк за рекой, где проходил бесплатный джазовый концерт. Ей не нужно было становиться невидимой, чтобы на нее не обращали внимание. В ее обычной черной юбке и серой маечке она была максимально не примечательной. Она слушала музыку, любовалась обнимающимися парочками и улыбалась семьям, расположившимся на одеялах на зеленой траве. Была во всем этом какая-то беззаботная красота, и она находилась в пределах досягаемости.

София как раз пыталась решить, стоит ли пойти домой и сделать сэндвич, или же совершить налет на один из передвижных прилавков с уличной едой на краю парка, как кто-то вдруг произнес ее имя.

Удивившись, София повернулась... и уставилась прямо в изумленное лицо Доминика.

— София...

В его голосе совершенно точно звучало слишком много тоски для человека, который знал ее несколько часов. В его взгляде совершенно точно было слишком много ласки и нежности. Она знала, что это правда, но в то же время осознавала, как ее собственное тело покачнулось ему навстречу, как она почувствовала себя, когда он протянул руку, как будто собирался коснуться ее и убедиться, что она настоящая.

К ее разочарованию, однако и к облегчению, он убрал руку и вместо этого засунул в карман. Вокруг них бурлила толпа, раздавались приглушенные звуки джаза. Как будто в мире не существовало ничего, кроме их двоих.

— Это ты, — услышала София свое бормотание.

Доминик улыбнулся, как будто испытывая облегчение от того, что она его вспомнила. Для такого красивого мужчины странно было быть таким скромным, но он был.

— Я... София... что я сделал?

Глаза Софии невольно раскрылись шире от того, сколько боли и тревоги звучало в его голосе. Теперь, присмотревшись получше, она видела, что он выглядит осунувшимся и уставшим. В угасающем свете раннего вечера она видела лавандовые круги под его глазами и напряженные плечи.

— Что ты имеешь в виду? — неуверенно переспросила София.

— Когда я уходил, тебя не было. Я... я хотел бы знать, вдруг я сделал что-то, что обидело тебя или причинило боль.

— Нет! Серьезно, нет, я не... дело не в этом, Доминик.

Он просиял улыбкой, но ненадолго. Его лицо вновь выражало тоску.

— Значит, это всего лишь отсутствие интереса? Это удивило бы меня, но я могу понять...

— Это и не отсутствие интереса.

Голова Софии шла кругом. Мужчина, который преследовал ее в мыслях всю неделю, внезапно оказался прямо перед ней. Он был настолько великолепен, насколько она вообще могла вообразить, и это выражение на его лице разрывало ее сердце надвое.

По какой-то причине она подумала об Аманде и Грее. Она подумала о горе, которое они оба переживали друг из-за друга просто потому, что не могли быть честными и уязвимыми. В этом и загвоздка, осознала она. Быть на виду означает, что возможно она будет страдать. Возможно, ей причинят вред, возможно, она сама изменится.

Она вспомнила о ножах в ботинках Доминика. Она вспомнила его леденящий кровью разговор по телефону. Она также знала, что кого бы он ни искал, он не считал, что это она. Доминик не лгал, мгновенно осознала она.

— Я устала, — наконец произнесла София. Слова прозвучали сдавленно и вырвались с тихим рыданием.

Доминик казался обеспокоенным, и София протянула руку, поймав его за низ футболки.

— Я просто... очень, очень устала, — повторила она, и голос ее звучал тише шепота.

В следующее мгновение его руки обхватили ее, и Доминик повел ее в укрытие огромного здания неподалеку. Возле его кирпичной стены они оказались в удалении от шумихи концерта и как будто вновь оказались наедине.

— От чего, дорогая? От чего ты так устала?

— Устала быть без тебя.

Выдохнув эти слова, София была настолько честна, как не бывала с самой собой. Она так долго пряталась, слишком долго, и осознала, что должна отказаться от этого, иначе задохнется.

— Я не хочу быть без тебя, — прошептала она, и Доминик крепче прижал ее к себе.

— Тебе не придется, — поклялся он. — Тебе не придется.

Глава 12

В романтических книжках и фильмах, подумала про себя София, влюбленные парочки всегда в считанных шагах от самой удобной кровати или укромного уголка. В реальной жизни, однако, им пришлось проделать путь через весь парк. Затем Доминик отвел ее в ее квартиру, чтобы она смогла покормить кошку и переодеться в чистую одежду.

Доминик ждал в коридоре, и потянувшись к очередной юбке и маечке, София засомневалась. Она приняла решение и вместо этого схватила красный сарафан, который годами пылился в дальнем углу шкафа. Красный был эффектным. Красный привлекал внимание. Она отчаянно устала от серого. Она надела платье и мгновение спустя потянулась к ящику с нижним бельем.

Когда она вышла в коридор, глаза Доминика расширились, и он тихонько присвистнул.

— Я так рад, что ты хочешь, чтобы я тебя видел, — сказал он, и София смущенно улыбнулась.

Он отвел ее в свой номер в отеле. Это было недалеко, но контраст с ее уютной маленькой квартиркой просто шокировал. Бесшумный лифт доставил их прямым ходом в пентхаус, и София раскрыла рот, увидев это. Комнаты были роскошными, а сквозь прекрасные двойные французские двери виднелась кровать шириной в целую милю. Внезапно вновь засмутившись, она повернулась к Доминику.

— Тебе нравится? — спросил он.

— Я... это явно не для меня.

Его ответная улыбка была просто неудержимой, и на мгновение София подумала о торжествующем воине, вернувшемся домой со своим трофеем.

— Это все для тебя, — пообещал Доминик. — Все это, если ты хочешь. Включая и меня.

По крайней мере, в этом отношении у нее не было страхов, и без капли беспокойства она потянулась к нему.

София взвизгнула, когда он подхватил ее на руки. Она была невысокой, но отнюдь не пушинкой. Доминик нес ее, как будто она весила не больше перышка. И в его руках она чувствовала, как по телу пробегает легкое покалывание. Она наслаждалась тем, насколько они близки и какие чувства вызывают друг у друга.

Доминик посадил ее на середину кровати и долгое время просто стоял рядом, возвышаясь над ней.

— Что ты видишь? — спросила София наполовину испуганно.

Его улыбка была теплой как летний рассвет.

— Прекрасную женщину, от которой у меня щемит сердце, — ответил он, наклоняясь, чтобы прижаться к ее лбу своим.

Они смотрели друг другу в глаза, и София подумала, что может затеряться в зелени. Было в этом мужчине что-то дикое. Она не забыла об угрозе, которую он собой представлял, но сейчас все это значило намного меньше, чем тот факт, что они вместе. Это идеально, это правильно, и София отказывалась позволить чему-либо встать на их пути. Слова застряли в ее горле. Кинжалы, тот его разговор по телефону. Как мало он знал о ней и об ее прошлом. Доминик как будто почувствовал все это. Но вместо того чтобы ждать, пока она заговорит, он нагнулся и прижался губами к ее рту.

Поцелуй был глубоким и опьяняющим, и тепло от него разлилось по всему ее телу. София положила ладонь на шею Доминика и привлекла его ближе. Она скользнула языком по его нижней губе, наслаждаясь дрожью, которая прокатилась по всему его телу, а потом проникла языком в его рот. Его вкус был для нее чем-то изумительным. Он был идеальным и идеально подходил Доминику. София невольно подумала, что была бы счастлива целовать этого мужчину, пока звезды не утонут в океане.

Несколько долгих секунд Доминик позволял ей целовать себя, как ей хочется, но она ощутила момент, когда в его теле поднялось нечто более мощное. Она бросила взгляд на высокие стеклянные двери, которые вели на балкон, и увидела, как позади Доминика темнеет небо. Надвигалась обещанная буря, и это лишь приумножило ее возбуждение.

— Открой окна, — тихо сказала София.

Улыбка Доминика, честно говоря, могла напугать ее, будто он сделался другим человеком. Но вместо этого она лишь еще сильнее возбудилась, наблюдая, как он быстро подходит к высоким окнам и распахивает их, впуская свежий летний воздух. Небо темнело с каждой секундой, набухая от веса воды. София как никогда понимала, насколько настоящая любовь походит на грозу. Она назревает и назревает, но когда наступает подходящий

момент, она ударяет как молния.

Вырисовываясь темным силуэтом на фоне неба, Доминик разделся догола, и София подумала о богах, загадочных и могущественных. Они приходили на землю в поисках женщин, которых делали своими, и в этот самый момент она желала именно этого.

Доминик вернулся к кровати, и София поднялась на коленях, простирая перед ним руки точно в мольбе.

— Возьми меня, — сказала она, и ее голос почти умолял. — Возьми меня, овладей мною...

В приглушенном свете София все равно могла видеть, как его глаза потемнели от желания. Ее слова послали дрожь по его телу, но все же он удержал руки опущенными.

— Повтори, — сказал ей Доминик голосом, напоминавшим глухое рокотание.

Это тоже было правильно. Жертва должна быть добровольной, иначе она не имела значения, и София скользнула руками по своему телу, как будто демонстрируя Доминику, что ему принадлежало.

— Я хочу тебя, — хрипло произнесла она. — Я хочу, чтобы ты взял меня, все, чем я являюсь, все, что у меня есть.

Доминик громко застонал от ее слов, и в следующую секунду опрокинул Софию на кровать. Его мощь вторила мощи бури позади него, и она не хотела ничего иного, только бы быть унесенной прочь этой силой.

Между ними оставалось столько недосказанного, но таковы простейшие истины. Все грубо и идеально, и ничто не могло встать между ними.

Его поцелуй был глубоким и диким. София уже чувствовала, как к ней прижимается его наполовину затвердевший член. Она желала, чтобы ее взяли быстро и яростно — она нуждалась в этом. Но она чувствовала, что Доминик нуждается в этом не меньше.

Он принялся возиться с ее платьем, хватая подол, но действуя по наитию, София его остановила. Вместо этого она развернулась и опустилась на четвереньки на кровать, обернувшись через плечо, чтобы посмотреть, что он думает.

Доминик гортанно застонал, и хоть София ожидала, что он набросится на нее, он пожирал ее взглядом. Он провел одной рукой по ее спине и заду, и София задрожала от властности этого жеста. Она восхищалась тем, каким благоговеющим и каким восхищенным он казался. Его рука обвилась вокруг ее бедра, а затем задрала юбку и накрыла ладонью ягодицу. От контакта его мозолистой руки с ее мягкой плотью София застонала, а Доминик начал потихоньку подниматься все выше и выше. Подняв подол платья до талии, он выругался, и София улыбнулась.

— Ты каталась в этом на фуникулере? — спросил Доминик, и она кивнула.

Трусики были красными, в тон платью, и почти полностью кружевными. Прозрачная мягкая ткань ничего не скрывала. Но вместо того, чтобы содрать с нее белье, как в прошлый раз, Доминик провел по покрытым тканью изгибам. Его пальцы начали свой путь с ягодиц и продвинулись вперед.

Теперь София чувствовала, как этот мужчина нависает над ней, а подушечки его пальцев прижимаются к клитору. Она захныкала и прижалась к нему бедрами, услышав его гортанный смех.

— Ты меня хочешь, но увлажнилась ли ты для меня, дорогая малышка?

— Да, да, — прошептала София, и это было правдой, хоть Доминик и издал сомневающийся звук.

— Не знаю, стоит ли верить тебе, дорогуша. Думаю, мне нужно проверить.

Без лишних предупреждений Доминик стянул трусики по ее бедрам. Холодный воздух ударил по самому чувствительному месту. София захныкала, ощутив, как его толстые пальцы скользнули по ее складочкам.

— Хмм, на ощупь ты потрясающая, София, но я не уверен, готова ли ты для меня.

— Готова, готова, — сказала она, стараясь не выдавать в голосе мольбу, но его пальцы так сладко скользили по ее нежной плоти, что она едва могла говорить.

— Не знаю. Видишь ли, я помню, какой ты была той ночью, София. Я помню, как ты открылась для меня, я помню, как туго ты ощущалась вокруг моего члена. Это было изумительно, дорогая, но ты была такой тугой. Я хочу убедиться, что в этот раз ты полностью готова, и я знаю, что хочу для этого сделать.

Прежде чем она успела хоть вопросительно хмыкнуть, Доминик толкнул ее вперед так, что София опустила локти, а ее зад поднялся еще выше. Она оказалась как никогда обнаженной перед ним, но не успела и пискнуть, ощущая, как его длинные сильные пальцы раскрывают ее еще сильнее. Доминик нагнулся, очутившись на одном уровне с ее складочками, и София ощутила, как его язык скользит по ее плоти.

Она знала, что закричала, но он не остановился. Его язык скользил по ее складочкам от верха до самого низа, а обнаружив, что не может проникнуть так, как хотелось, Доминик сменил позу и улегся на спину, устроив голову меж ее бедер.

София получила лишь секундную передышку, покраснев от осознания их позы, а потом его рот очутился меж ее раздвинутых ног, ласками раскрывая складочки и заставляя дрожать. Она ощущала, как ее клитора касается язык, сначала нежно исследуя, а потом с головокружительной жадью, от которой с губ Софии сорвался стон. Она осознала, что прижимается к его лицу. И хоть она пыталась отстраниться, его руки удерживали ее бедра, прижимая ближе и ближе. Его горячие яростные губы вновь и вновь возвращались к ее клитору, и София уже чувствовала первые волны оргазма, скручивающие ее живот. Бедра начали дрожать, дыхание участилось... и он остановился.

— Ох, Доминик! — выкрикнула она, и Доминик рассмеялся, отстраняясь.

София изогнулась, чтобы посмотреть на него через плечо, и его глаза абсолютно точно светились чем-то дьявольским.

— Ты хотела меня, и теперь ты меня получишь, — промурлыкал он, и ее сердце забило чаще.

Ее тело пылало жаром и жаждало его. Доминик нагло положил одну руку на ее попку. Этот небрежный жест власти заставил Софию замурлыкать, а потом он опустил руку еще ниже.

София ахнула, ощутив, как его пальцы играют с ней, но потом застыла, потому что Доминик раскрыл ее складочки. Он глубоко ввел один палец и толкнулся внутрь, вперед-назад, пока она не начала раскачиваться в такт его движений. Потому что он добавил еще один палец, и еще один. Когда София начала вздыхать от каждого толчка, Доминик убрал руку.

— Доминик, Доминик, пожалуйста, ты хочешь, чтобы я умоляла? — София задыхалась.

Она уже пересекла грань смущения или стыда. Вместо этого она превратилась в создание, полностью состоящее из пламени и жажды. Она сделала бы что угодно, лишь он дал ей желаемое.

— В какой-то момент захочу, — пообещал Доминик. — И когда-нибудь, скоро, я тоже буду умолять тебя. Но прямо сейчас, сладенькая, это все, о чем я тебя попрошу.

Он бережно стянул ее платье через голову, затем снял лифчик и трусики. Теперь, когда она оказалась полностью обнаженной, как и он сам, Доминик вернул ее в прежнюю позу на четвереньки и устроился сзади. Она была открыта для него, как не открывалась ни для какого человека, и это даровало ей глубинное умиротворение.

Долгое время он просто смотрел на нее, и София гадала, не начнет ли он снова дразниться. Часть ее наслаждалась этой идеей, тогда как другая часть была уверена, что это ее убьет. Она слышала, как он возится сзади нее, и обернулась как раз чтобы увидеть, как он раскатывает презерватив по члену.

— Жаль я... — начал Доминик, но потом покачал головой. — Ты прекрасна, — сказал он вместо этого и опустился на колени позади нее.

София ощутила большую головку его члена у своего входа, и когда он толкнулся вперед, она подалась навстречу. Она хотела принять его полностью. Она хотела чувствовать его на себе. Его руки на ее бедрах сжались крепче, когда он почувствовал, что она сделала, и его прерывистое дыхание говорило о том, что он на грани. Доминик ничего не сказал, но потом София принялась двигаться сама, то подаваясь вперед, то прижимаясь к нему. Он громко застонал и запустил пальцы в ее темные волосы.

— Я не могу сдерживаться, когда ты так делаешь, — прохрипел он, и в этот раз она рассмеялась.

— Ну так не сдерживайся, — сказала она, и плотину прорвало.

Одна рука в ее волосах напряглась, другая обхватила изгиб ее бедер. На следующий день у нее, наверное, будет синяк, но Софии было совершенно все равно.

В прошлый раз, когда они были вместе, Доминик не торопился, но в этот раз все было иначе. Он жестко вминался в нее, снова и снова, и крепко удерживал ее тело на месте. Она была собственностью в его руках, но в то же время она была сокровищем. Мощь его тела заставляла Софию чувствовать себя крохотной, и глянув в окно, она увидела собирающуюся темную бурю.

Доминик был неутомим, но получая свое наслаждение, он не забывал и про нее. Он взял жесткий ритм, отпустил ее волосы, но вместо этого запустил руку меж ее ног. И ее клитор он жалел не больше, чем любую другую часть ее тела. Он был таким грубым, но все равно она знала, она знала, что он остановится, если понадобится. Она не сомневалась в этом, и это позволило ей сдаться на его милость, сдаться ощущениям, которые он в ней вызывал.

Огонь омывал ее тело, яркий и обжигающий, и София знала, что кричит его имя. Она знала, что извивалась под ним и умоляла о большем. Но ничто из этого не имело значения, пока они оба получали то, в чем нуждались. Она смутно осознавала, что он тоже кричал, что спрашивал ее о чем-то. В его голосе звучало отчаяние, вторящее ее собственному, и наконец, все ее тело затряслось, она уже приблизилась к вершине... как его рука замерла.

— Доминик, что... что ты делаешь?

— Заставляю тебя хотеть этого, — последовал его ответ.

Его пальцы вновь вернулись, двигаясь еще жестче, кружа вокруг ее клитора, пока он продолжал ее трахать. Она бы запротестовала, но она вновь желала приблизиться к той вершине наслаждения, попасть в то замечательное место, где нет ничего, лишь они двое и та магия, которую творили их тела вместе. Она приближалась к этому, его ритм был сильным, ровным и таким правильным. Но потом он вновь замедлился.

— Доминик! — ответом стал лишь хриплый смех. София рванулась назад, принимая его в себя еще сильнее. — Не заставляй меня больше ждать, — прохныкала она, то ли

приказывая, то ли умоляя.

— Как пожелает дама, — ответил Доминик.

Он вновь поднес руку к ее изнывающему естеству. В этот раз его действия были целеустремленными, и ее тело, истощенное наслаждением, просто не могло этому препятствовать. Было что-то неизбежное в том, как они сливались воедино, в том, как этот безумный ритм заставлял ее раскрываться как никогда прежде.

— Никогда не останавливайся, — прошептала она, не понимая, услышал ли он ее вовсе.

Наслаждение буквально ослепляло. Оргазм разлился по ней как капля краски в кристально чистой воде. Он раскрыл ее, оставил беззащитной, и она кричала от удовольствия в его руках. Доминик был в ней, он окружал ее, и она хотела лишь этого, навеки, еще и еще.

София дрожала от пережитого оргазма, и когда она вернулась на землю, Доминик все еще двигался в ней.

— Еще нет? — пробормотала она, слегка изумленная, и он рассмеялся.

— Я люблю быть в тебе, — проговорил он, задыхаясь. — И я так близко.

Она не до конца понимала, что он имел в виду или чего хотел в тот момент, но то, что она сделала потом, стало результатом женского инстинкта, возобладавшего над ней и вызывавшего чувство наполненности. Она сжала мышцы своего естества. И понимала, что он почувствовал это сразу же. Было что-то изумительное в том, как он застыл и сбился с ритма, как будто пораженный ударом молнии.

— О боги на небесах, София, — прорычал Доминик, и она сделала это вновь.

Она ощущала легкую боль и усталость, но хотела видеть, как его глаза расширяются, как он теряет самоконтроль всего лишь из-за ее действий и умений. Он был мужчиной, который привык получать желаемое. Но она знала, что получать нечто неожиданное — просто потрясающе.

Доминик жестко вошел в нее до упора, и шторм набирал обороты. Когда ударила молния, затмившая луну, София закричала от острого желания. Доминик пролился в нее, и после долгих секунд тяжелого дыхания он придержал основание презерватива и вышел из нее с болезненной медлительностью. Она любила это ощущение, как его рука двигается между их скользкими телами, любила его нежные движения.

Она поймала себя на мысли, что возможно не хотела бы, чтобы там был презерватив. Странная мысль, особенно для Софии, чей опыт в сексе был весьма ограниченным. Она вбила себе мысль о том, что каждое сексуальное сношение несет с собой риски, и презерватив — один из способов эти риски сократить. Но теперь она могла думать лишь о том, как тело Доминика входит в нее безо всяких препятствий. Она думала, каким теплым будет его член в ней, как его кожа будет напоминать покрытую шелком сталь. Она думала о жаре и его жидкости, проливающейся в нее, и от этой мысли по телу прошла дрожь.

— София? Сладенькая, ты замерзла? — так и есть. — Можешь недолго побыть одна? У меня есть идея, как тебя согреть.

Глава 13

Когда Доминик прошлепал в ванную, София воспользовалась моментом, чтобы растянуться на кровати. События дня ее вымотали, а кровать Доминика была изумительно мягкой. Она чувствовала, что может утонуть в ней и проспать неделю. Ну, или большую часть недели. Было бы здорово, если бы Доминик вернулся и вновь ее утомил.

Она почти уснула, когда пришел Доминик, и сонно забормотала, когда он бережно стянул простыни и поднял ее на руки.

— Ты чистый, — вяло протянула она.

— Всего лишь быстренько принял душ. Хотел сделать для тебя что-нибудь приятное.

— А что, оргазм, по-твоему, это не приятное?

— Ну, может, что-то приятное для тебя, что не станет и для меня огромным бонусом, знаешь ли.

Ванна представляла собой чудо из белого мрамора, нечто настолько впечатляюще роскошное, что это даже заставило Софию слегка взбодриться. Она приподнялась на его руках, чтобы осмотреться. Овальная ванна была доверху наполнена пеной.

— Пенная ванна? — с восторгом воскликнула она. — Я не принимала ее с самого детства.

— Ага, я так и думал, учитывая, что в твою ванну может влезть только восьмилетний ребенок. Давай-ка.

Вместо того чтобы позволить ей самой залезть в ванну, Доминик опустил ее в воду. Пузырьки образовывали толстый слой пушистой пены, от воды шел легкий пар. Воздух наполнил резкий аромат можжевельника, и София удовлетворенно вздохнула. Настоящая роскошь, которой она никогда не могла себе позволить. От этого все еще сильнее походило на сон.

— Хорошо?

— Очень.

София позволила воде унести весь стресс и напряжение из ее конечностей, превращаясь в мягкое открытое облачко. Ванна идеально подходила для нее, ноги вытянулись в полную длину, голова покоилась на водонепроницаемой подушечке, которая видимо для этого и предназначалась. Она посмотрела на Доминика, присевшего на ступеньку возле ванны, и осторожно изучала его взглядом.

— Я не знаю, о чем ты сейчас думаешь, — сказала она, удовольствие от воды и тепла унесли прочь все подозрения и напряжение. — Скажешь мне?

Он казался удивленным, но довольным, протянув руку и подхватив немного пены ладонью.

— Ну, наверное, первое, о чем я думаю — это то, что я везучий сукин сын. Не знаю, как ты попала в мою жизнь, но намерен удержать тебя рядом.

— Ты провел со мной меньше двадцати четырех часов, — напомнила София. — И большую часть из этого времени были посвящены лучшему сексу в нашей жизни.

Доминик широко улыбнулся, но веселье было недолгим, и он вновь посерьезнел.

— Ты знаешь, что я был итальянцем, да? — спросил он у нее.

Заинтригованная, она кивнула. Он выбрал для этого странную формулировку, и будто прочитав ее мысли, Доминик покачал головой.

— Во времена моего детства все было иначе. Другая страна в некотором смысле. Но одной из вещей, известных всем венецианским мальчикам, был удар молнии. Это любовь, но в то же время нечто большее. Когда ты стоишь рядом с кем-то, от кого у тебя перехватывает дух, когда смотришь на этого человека и видишь, что миру нужно, чтобы вы были вместе — ну, это чувство подобно удару молнии, обрушивающемуся с небес. Это как электричество, которое прошибает тебя с головы до пят. Ты прирастаешь к месту, не можешь пошевелиться, да и не хочешь, пока она не разрешит тебе сделать это. В этот самый момент весь ход твоей

жизни изменяется навеки.

— Так вот что любовь значит для всех итальянцев? — спросила София.

Она никогда раньше не слышала, чтобы мужчина так открыто говорил о любви. Она слышала, как они обсуждали секс, когда не подозревали об ее присутствии, и от этих разговоров, полных насилия и соревнования, ее тошнило. Это же что-то новенькое.

В ответ Доминик лишь криво усмехнулся.

— Нет, и старожилы говорили, что если у тебя есть мозги, то ты никогда не захочешь, чтобы это случилось с тобой. Но мне и моим друзьям было все равно. Всем хотелось быть пораженными ударом молнии, и я не говорю, что никогда не видел, как мои друзья влюбляются. Но знаешь, это нечто простое. Они влюбляются, потом любовь умирает, и каждая казалась тем самым ударом молнии, пока не оказывалось, что это не так.

— Ты когда-нибудь видел настоящий удар молнии? — замороженно спросила София.

Доминик на мгновение задумался, а потом кивнул.

— Видел. Был один старик, который жил в деревне недалеко от Венеции, и мы пошли к нему, потому что он был лучшим кузнецом на сотню миль. Удар молнии поразил его в юности, и за весь брак он не расставался со своей женой дольше, чем на неделю. А потом она умерла, и вся жизнь ушла из этого мужчины. Когда тебя поражает удар молнии, ты повержен, а когда она умерла, она унесла с собой кусочек его.

София вздрогнула при мысли о такой сильной любви и такой большой потере, и Доминик наклонился, чтобы подарить ей утешающий поцелуй.

— Теперь я намного старше, чем был при встрече с тем стариком, — пробормотал он. — И может я идиот, но я все равно счастливее после удара, чем был бы без этого.

Она уже хотела спросить, что он имел в виду, но тут его губы переключились на мочку ее уха, острые зубы прикусили чувствительную кожу.

— Я чувствую больше, чем чувствовал когда-либо раньше. Я вижу дальше. Это делает меня чем-то большим, и неважно, предпочтешь ты оставить меня рядом или предпочтешь отослать меня прочь, я нечто большее, чем был до тебя.

Она вновь хотела спросить, но его руки нырнули под воду и скользнули по ее плечам. Из-за мыльной пленки его пальцы касались ее кожи с изысканной нежностью, и София сдалась ощущениям. Она чувствовала себя призом, который Доминик выиграл, и конечно же, о призах надо заботиться. Она тихо лежала под его прикосновениями, пока его руки скользили по ее груди, по бедрам и ниже по ногам. Даже под слоем пены он двигался безошибочно. И когда он вновь нашел ее естество, София раздвинула для него ноги.

Этот оргазм, это удовольствие было лишь для нее, и она жалобно хныкала, пока Доминик легко управлял ее телом. Ее оргазм был тихим, но в чем-то он казался более глубоким, чем те бури, что она пережила с ним ранее. Она задрожала, напряглась, и когда она наконец закричала, Доминик оказался рядом, накрывая губами ее рот, зарываясь свободной рукой в ее мокрые волосы.

Ее глаза приоткрылись, и София улыбнулась ему. Его ответная улыбка была теплой как солнечный свет, и в этот момент она осознала, что какие бы преграды ни стояли между ними, это — настоящее. Они вместе, и это по-настоящему, так прекрасно и реально. Она уже открыла рот, чтобы подразнить его этим самым ударом молнии, но с губ сорвалось нечто другое.

— Доминик... что тебе вообще понадобилось у кузнеца?

Доминик открыл рот, и к ее чистому ужасу, София видела, как что-то в нем

надломилось. Он закрыл рот. Сглотнул и почти вслепую нашел ее руку. Она ошарашенно стиснула его ладонь, гадая, что могло вызвать эту перемену.

— Доминик...

— Позволь мне рассказать тебе, — тихо прошептал он. — Позволь мне все тебе рассказать.

Глава 14

София позволила Доминику достать ее из ванны. Но пока он вытирал ее с бережной заботой, она невольно наблюдала за его лицом. В его взгляде сквозило нечто отстраненное и печальное.

— Ты всегда можешь рассказать мне что угодно, что тебе хочется рассказать, — пообещала она. — Я всегда выслушаю.

Его улыбка была недолгой и слегка блеклой.

— Я не стану ловить тебя на слове.

Когда Доминик обернул ее пушистым халатом и обнял, София невольно задалась вопросом, почему создается такое чувство, будто они готовятся к какой-то потере.

Он натянул на себя джинсы и прислонился к изголовью. Когда она смущенно подошла, он усадил ее на колени так, будто они проделывали это годами.

— На сколько лет я выгляжу? — спросил Доминик.

София моргнула.

— Странный вопрос, но ладно. Эм, может, тридцать? Тридцать пять?

— Попробуй лучше пятьсот шесть.

София невольно нахмурилась, потому что ожидала чего угодно, но не этого. Она неуверенно рассмеялась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я родился в 1506 году от рождества Христова, в Венеции. Мой отец был кондотьером, наемным солдатом, а моя мать была женщиной, работавшей в кофейне на канале.

— В 1500-х были кофейни? — переспросила София, неуверенная, насколько серьезно это все воспринимать. Доминик сверкнул улыбкой.

— Были. Мы называли кофе африканским злом, которое отвлекает хороших людей от слова Божьего, но кофе был намного лучше какао, которое совсем недавно завезли из Нового света. Какао было просто никудышным, поверь.

— Ты... ты говоришь так, будто был там.

— Потому что я там был. София, мне нужно, чтобы ты понимала. Я родился в Венеции в 1506 году. Мне больше пятисот лет, и большую часть своей жизни я сражался. Вот почему мне понадобился этот кузнец, который имел славу лучшего в нашем регионе Италии, хотя тогда это была не Италия. Мне нужен был достаточно острый меч, чтобы убивать быстро и бесшумно, и для этого мне нужен был лучший мастер.

— Убивать? — слабо переспросила София.

Она чувствовала, как голова идет кругом, будто она вылетела из своего тела и воспарила над ним. Было в этой сцене нечто зловещее, как будто мир под ней разверзся. Такое чувство, будто она вот-вот рухнет в бездонную яму, в место, из которого никогда уже не выберется.

— Жизнь тогда была непростой. Мой отец убивал людей за деньги, и долгое время я думал, что пойду по его стопам. Моя мать хотела, чтобы я работал с ней в кофейне, но для

меня этого было недостаточно, — улыбка Доминика получилась немного горькой. — Нет, мужчины, от которых девушки лишались чувств, мужчины, у которых всегда были деньги, мужчины, которые всегда носили яркую ливрею того или иного дома — это были кондотьеры, как мой отец. Для меня не имело значения, что мой отец умер, когда мне едва исполнилось пять. Убит в сражении с ломбардцами вдалеке от дома. Для меня это совсем не имело значения.

— Как... как я должна во все это поверить? — наконец выдавила София.

Больше всего пугало то, как спокойно и просто Доминик рассказывал эту историю. Она слышала в его голосе правду. Она видела в нем мальчика, которым он был когда-то, как он бегал по краю каналов, шмыгал между столиками, чтобы помочь матери подать кофе, и удирали при каждой возможности, чтобы пойти за солдатами. Каким неумным он, наверное, был, и как боялась за него мать...

— Я не знаю, поверишь ли ты мне, — с трудом произнес Доминик. — Тяжело поверить в такую историю, если не являешься ее частью. Я больше всего хочу, чтобы ты меня выслушала и поняла, что даже если для тебя это нереально, это реально для меня. Это моя жизнь, София, и я хочу разделить ее с тобой.

Некоторое время спустя она кивнула и ощутила, как его тело расслабилось под ней. София крепче прижалась к нему, и Доминик ласково погладил ее влажные волосы. Они посидели в тишине, а потом он вновь начал говорить.

— Тогда ведьмы приводили в ужас. Венеция была многонациональным городом, но даже нас не обошла истерия по поводу ведьм, которая время от времени накрывала страну. Я читал книги, которые писались в те дни. Они давали сухие факты. Они говорили, сколько было убито, сколько подверглось допросу, сколько изгнано из страны на верную смерть. Они не понимали, каково на самом деле находиться на кричащих улицах. Так что я знал ведьм. Я знал достаточно, чтобы бояться их, но знаешь, это как авиакатастрофы в наши дни. Большую часть времени ты об этом не думаешь, пока не окажешься на борту самолета. Я вырос и влюбился в одну девушку.

София застыла, и Доминик широко улыбнулся, целуя ее в щеку.

— Не беспокойся, это было пять сотен лет назад, и я не знал, что такое любовь на самом деле. Она была... наверное, ты бы назвала ее куртизанкой.

— Эм, ты хочешь сказать, проституткой?

— В каком-то смысле. Она продавала секс, но что более важно, она продавала образ. Она была дорогой образованной женщиной с роскошным вкусом, и быть одним из ее любовников... ну, это было признаком изысканного джентльмена. Конечно, в тринадцать лет я был вовсе не таким.

София расхохоталась, она действительно представляла себе это — молодой мальчик, влюбленный в женщину, которая по меркам Венеции была суперзвездой.

— Да, ну я всегда думал, что важно ставить себе высокие цели. Мне удалось как-то прорваться через ее охранников и преподнести ей лучший подарок, что я мог себе позволить — маленькую горстку кофе, которую я утащил из кофейни. У нее были все права избить меня и вышвырнуть, но вместо этого она улыбнулась и сказала прийти к ней, когда подрасту. Было лишь одно условие — я должен был оставаться чистым.

— Как девственник?

— Именно, — Доминик рассмеялся, вспоминая. — Я упорно работал, я яростно сражался, и когда мне исполнилось двадцать восемь, я отправился на ее поиски. У нее все

еще было полное право выставить меня на улицу за ухо, но она этого не сделала, и, эм... поманила меня в дом и как следует исполнила обещание.

София задалась вопросом, стоит ли ревновать к женщине из 1500-х, но вместо этого она была заинтригована.

— Ты...

— Я предпочитаю не раскрывать тайн моих любовниц, — чопорно сказал Доминик. — И не рассказываю эту историю не ради пошлостей, мисс. В ней есть смысл.

София выразительно выгнула бровь.

— Кхм. Короче. Действо началось, пусть и менее магически, чем я ожидал, но все равно. А потом я ее шокировал.

— Ты сказал, что ты всего лишь бедный парень, у которого есть только его меч в ножнах?

— Она весьма тщательно проверила это, прежде чем допустить меня к себе. Нет, мы только перешли к спокойной паузе после всего веселья, я наклонился, чтобы поцеловать ее, и тут ее тряхнуло.

— Не понимаю.

Доминик вздохнул.

— Я ударил ее током как электрическая розетка. Отбросил ее на два фута, опалив прядь волос, которая коснулась моего рта. Она на время потеряла сознание.

— О боже!

— Да. Я понятия не имел, что случилось. Я был голым, чувствовал лишь запах паленого в воздухе, и внезапно решил, что меня преследует дьявол.

— Что ты сделал?

— Что я мог сделать? Я выпрыгнул в окно, нырнул в воды канала и уплыл прочь.

— Серьезно?

— Я был не в себе. И помни, в тот год в моей земле процветали охоты на ведьм. Я заскочил к другу, который одолжил мне одежду, и на первой же лошади ускакал из города прежде, чем она успела натравить на меня церковь. Оглядываясь назад, я сомневаюсь, что она это сделала, но лучше перестраховаться, чем сожалеть, или точнее, лучше перестраховаться, чем оказаться в ласковых руках инквизиции, скажем так.

— И что случилось потом? — София все еще сомневалась, какой части истории она верит, но знала, что в это верит он сам.

— Я отправился во Флоренцию и начал с чистого листа. В те дни это было возможно. Никто из уважаемых людей не переезжал, так что когда я появился в городе и назвался Антонио, это никого не волновало и никто не заметил. Тогда я никого не знал, а когда злился, то швырялся искрами как молот кузнеца. Я решил, что проклят, и мне нужно как можно лучше провести время на земле, пока за мной не явился Люцифер.

София издала печальный болезненный звук, и Доминик обнял ее.

— Все было плохо. Я не стану врать, но это было давно, очень давно. Я стал беспечным, зарабатывал деньги как наемный дуэлянт для испорченных придурков, которые не умели держать меч, и в конце концов меня нашел мой наставник, Маттео Сальвестро. Он сказал мне, что я виккан, что я нуждаюсь в обучении. На этом все.

Он помедлил, и София сделала глубокий вдох. Волоски на шее становились дыбом. Она осознала, что верит ему. Мужчина, с которым она провела потрясающую ночь в постели, действительно прожил полтысячи лет и рассказывал ей нечто невероятное.

— Что это значит? — спросила она тихим напряженным голосом.

Доминик вздохнул.

— Это значит, что я могу контролировать электричество, как ты управляешься с пультом от телевизора, и я практически бессмертен. Я могу пострадать, я могу быть убит, если получу слишком сильные травмы, но сейчас выгляжу примерно так же, как в шестнадцатом веке.

— Я имею в виду, что это значит для нас.

Доминик повернул ее к себе, и долгое время они просто изучали лица друг друга. Доминик первым нарушил молчание.

— Это значит, что я люблю тебя и хочу быть с тобой. Меня поразила молния, и поверь мне, человеку, который умеет вытворять всякие штуки с электричеством, я знаю, о чем говорю. Я не должен рассказывать тебе все это, но к черту правила. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты знала обо мне все.

— Ты любишь меня? — у Софии закружилась голова, но она чувствовала правду в том, как крепко он ее держал, в абсолютной уверенности его голоса.

— Очень даже люблю. И я хочу, чтобы ты знала. Хочу, чтобы ты знала, каково любить меня.

— Я постарею, а ты навеки останешься молодым.

Доминик печально кивнул.

— Это непросто. Я видел других виккан в отношениях со смертными, и это прекрасно, но для обеих сторон непросто. Я хочу, чтобы ты выбрала мой путь, или точнее, я хочу идти с тобой одной дорогой, какой бы путь ты ни выбрала.

От его слов перехватило дух, и София осознала, что действительно любит его. Неважно, отведен ли им короткий срок или долгий, она хотела этого.

— Я...

У нее на языке вертелось "люблю тебя".

Маленький кристалл кварца на прикроватной тумбочке засветился ярко-синим, а потом сделался красным.

Они оба застыли.

Глава 15

Пять сотен лет Доминик был человеком дела. Сальвестро всегда ругал его за то, что он сначала действует, а потом уж думает, в какой улей залез. В конце концов, после долгих лет поспешных действий он подумал, что реакция на свечение кристалла и положительный ответ была весьма сдержанной.

— Думаю, ты кое-что недоговариваешь, — спокойно сказал он.

София соскочила с его колен с выражением вины и ужаса на лице.

— Я... понятия не имею, о чем ты.

Она выглядела такой напуганной, что у Доминика заныло сердце, но к этому примешивалось и нарастающее беспокойство, что София может сделать что-то более серьезное. Доминик на мгновение задумался. А потом, вместо того чтобы идти к ней, он взял кристалл.

— Моего лучшего друга зовут Стефан. Он тоже виккан, как и я, и он тоже состоит в Корпусе Магов. Корпус занимается многими вещами, но одна из наших самых важных обязанностей — поиск новых ведьм и колдунов. Многие из них, как и я сам, не знают, что

происходит, когда пробуждаются.

— Пробуждаются. Ты... ты имеешь в виду секс?

— Да. После первого сексуального опыта ведьма или колдун обретают свои силы. У каждого свои таланты. Вот почему я умудрился ударить током ту бедную женщину, когда оказался в постели с ней. Вот почему Стефан — абсолютный гений, когда дело касается наделения магическими свойствами вещей вроде этого кристалла. Видишь, как он светится красным? Это значит, что я нашел того, кого искал. Я нашел тебя.

Смешок Софии прозвучал фальшиво и боязливо. Доминику было больно это слышать, но он изо всех сил старался сохранять спокойствие. Он боялся, что если сейчас спугнет ее, то больше никогда уже не найдет. Учитывая то, как долго она дурила игрушку Стефана, вероятность была довольно высока.

— Твой друг Стефан, видимо, не так уж хорош, как ты думал, — нервно произнесла она. — Он ошибся. Я не ведьма.

— Вообще-то, Стефан сказал бы тебе, что он никогда не ошибается, и я думаю, что ты ведьма. И если ты так долго пряталась, то ты чертовски хорошая ведьма.

София покачала головой и, к ужасу Доминика, сбросила халат и резкими движениями начала натягивать одежду. Он не шевельнулся, чтобы остановить ее, боясь, что если сделает это, она исчезнет прямо под его кончиками пальцев.

— Позволь мне рассказать тебе историю, — выпалил он, и София склонила голову набок.

Она не выглядела менее настороженной, но кивнула. Уже полностью одетая, но все еще босая, она присела рядом с ним на кровать. Больно было осознавать, что она не подпускает его ближе, но в данный момент Доминик довольствовался тем, что имеет. Он сделал глубокий вздох и приступил.

— Примерно четыре года назад мой наставник Маттео Сальвестро был на задании. Не знаю, на каком. Стефан дал ему свою игрушку, которая помогает определить, когда поблизости пробуждается ведьма или колдун. Маттео ее обожает, говорит, что это намного лучше метода, которым он пользовался раньше — то есть бродить и высматривать ведьмины ожоги.

— Короче говоря, вот он в Финиксе, Аризона, и эта штука начинает светиться как фейерверк. Так что он отправляется на поиски, потому что тот, кто так ярко пробудился, нуждается в помощи, понимаешь? Они могли устроить пожар. Они могли превратиться в волка. Они могли сделаться невидимыми.

София вздрогнула, но Доминик не испытал ни капли удовлетворения от своей правоты.

— Он отправляется на поиски этого человека и попадает в обыкновенную квартирку, небольшое местечко недалеко от центра города. Но когда он туда добирается, обнаруживается немаленькая проблема. Там мертвый мужчина и рыцарь тамплиеров, — он помедлил, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. — Тамплиеры — всегда плохие новости. Некоторые виккане считают, что те происходят со времен испанской инквизиции, но для меня это не имеет значения. Они ненавидят виккан. Они охотятся на нас. И их лучший шанс убить одного из нас — сразу после того как он или она пробудились. Эта маленькая игрушка Стефана, определяющая пробудившихся виккан, спасла немало жизней, поверь мне.

София тихо фыркнула.

— Да, те кинжалы, что ты видела — они не раз спасали мне жизнь. Все, на что

способен пистолет, я могу сделать с помощью электричества и сделаю это еще лучше, но иногда, когда ты хочешь повернуть все тихо, кинжалы незаменимы.

Доминик покачал головой, отбрасывая старые дурные воспоминания.

— Сальвестро приходит, и там этот рыцарь тамплиеров. Они дерутся, Сальвестро прогоняет его. Но когда рыцарь тамплиеров уходит, в квартире остается лишь бедный мертвый парень на кровати. Маттео думает, что парень и может быть тем самым пробудившимся викканом, вот только...

— Вот только...

— Вот только на долю секунды ему показалось, что он видел отражение темноволосой девушки в зеркале позади него. Он поворачивается, зовет ее, но уже никого. По крайней мере, насколько он может видеть. Так что он отправляется домой, заполняет отчет и четыре года старается об этом не думать.

София дважды крепко и быстро моргнула. На ее глаза навернулись слезы, и Доминик поддался желанию потянуться к ней. Когда она отшатнулась, ему показалось, что его сердце разломится надвое.

— Что случилось потом? — тихо спросила она. — Что изменилось?

— На Сальвестро сказывается его возраст. Он говорит, что помнит времена, когда люди не умели писать, и правда это или нет, он все равно живет уже очень и очень долго. Он говорит, что хочет заняться чем-то другим, может, лежать на пляже или что-то в этом духе, но он хочет завершить дела. Он всегда думал, что ведьма из Финикса все еще где-то там. Он убедил меня заняться этой работой. Представь себе наше удивление, когда игрушка Стефана сочла, что ты жива и тебя можно найти.

— Это не я.

— Да, ты, — терпеливо сказал Доминик. — Это ты. Перестань это отрицать.

Лицо Софии скривилось, она поднялась на ноги, пошатнувшись. Хоть Доминик и потянулся к ней, она оттолкнула его, посмотрев на него так, будто он ответственен за все случившееся.

— Моя жизнь закончилась в тот день, — прошипела она, и он услышал в ее голосе четыре года боли. — Ты понимаешь? Тот умерший парень был моим лучшим другом, и мы... мы... я так устала быть девственницей. Мы заботились друг о друге, и это его убило! — дрожь губ вторила подрагивавшему голосу. — Этот ужасный мужчина выломал дверь, и он убил Джейсона, и он убил бы и меня, — слезы вновь навернулись на глаза. — Я не знаю, почему он этого не сделал, он смотрел прямо на меня и начал меня звать. Я знала, что он и меня хотел убить, и я знала, что второй мужчина тоже хотел меня убить.

София почти рыдала от сдерживаемых эмоций. Грудь Доминика сдавило, как будто он вот-вот взорвется. Он протянул руку, отчаянно желая ее успокоить.

— Мы старались как могли, мы знали, что ты напугана, мы хотели найти тебя...

— Знали, что я напугана? Ха! Да я была в ужасе! — буквально прокричала София. — Я четыре недели была невидимой! Я не могла ходить на работу. В итоге меня уволили. Я могла украсть что угодно, но ненавидела саму мысль об этом. Я думала, что всю жизнь проживу, а меня никто не увидит и никто не коснется! Я подумывала убить себя, Доминик!

— О, милая...

Она отшатнулась от него.

— И вот ты тут, у тебя есть ножи, у тебя есть приказы, и ты говоришь, что защитишь меня? Да кто ты вообще такой?

Слова ударили по нему не хуже руки.

— Я тот же мужчина, который стоял перед тобой десять минут назад, — мягко произнес Доминик. — Я мужчина, который тебя любит. Я мужчина, который хочет защищать тебя любой ценой. Я мужчина, который хочет провести с тобой вечность, и теперь... теперь это возможно.

— О чем ты говоришь?

— Пробуждение — лишь первый этап твоей жизни как викканки. После него следует инициация.

Доминик помедлил. Все происходит слишком быстро, слишком многое надо осознать.

— Ты собираешься сказать мне, что это такое? — потребовала София.

Доминик прикусил губу. Он не хотел. Вся эта ситуация и без того была крайне напряженной, не хватало приплетать сюда еще и секс, но она не примет никаких отговорок или полуправды. Да он и не хотел отделяться этим.

— Инициация — это когда виккан впервые занимается незащищенным сексом с другими викканом. Когда это происходит, ты... эм... становишься бессмертной, как я, как Стефан, как Сальвестро. Впрочем, некоторые виккане решают от этого отказаться. В конце концов, вечность — это немалый срок. Но София, если мы займемся сексом без презервативов, мы действительно можем быть вместе вечно.

София изумленно покачала головой, но Доминик не сумел удержаться.

— Я люблю тебя, и у меня такое чувство, будто я пятьсот лет прожил, ожидая тебя. Я знаю это. Но еще больше я хочу тебя защитить. Мне нужно обеспечить твою безопасность, и мне нужно отвезти тебя туда, где ты можешь узнать больше о себе и твоём даре.

— Моем проклятию!

Доминик вздрогнул. Так тамплиеры говорили о викканах.

— Это дар, клянусь тебе. Ты можешь использовать его, чтобы помогать людям, очутившимся в таком же положении. Ты можешь помогать им попасть в безопасное место, можешь познакомиться с другими такими же людьми.

— Не хочу я ни с кем знакомиться! Доминик, это разрушило мою жизнь! Поверить не могу, что ты тоже часть этого.

— Быть викканом — это вся моя жизнь, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Это и есть я. Я такой уже очень долго. Я забочусь о себе подобных, и София, даже если мы никогда больше не коснемся друг друга, это распространяется и на тебя. Прошу, пожалуйста, останься со мной. Я могу познакомить тебя с людьми, которые объяснят это лучше, чем я, мы можем тебе помочь.

— Нет! — София выставила руки перед собой. — Я не хочу твоей помощи! Я ничего от тебя не хочу!

— София, пожалуйста, послушай...

— Нет, это ты послушай! — ее лицо покраснелось от ярости, и она так агрессивно шагнула к нему, что он невольно попятился. — Я уже четыре года сама по себе. Я лишилась прежней жизни. Мой лучший друг оказался убит, потому что пытался оказать мне услугу, и я думала, что тоже умру. Возможно, если бы ты нашел меня тогда, все было бы иначе. Но теперь что есть, то есть. Я уже четыре года живу сама по себе. Четыре долгих года. И я справляюсь прекрасно. Конечно, я была одинока, и конечно, я была напугана, но мне никто не нужен!

В ее голосе столь явно и сильно звучали паника и злость, что Доминик прерывисто

вздохнул. Когда София направилась к двери, он мог лишь наблюдать. Но когда ее рука опустилась на дверную ручку, он наконец обрел дар речи.

— София, — тихо сказал он. — Пожалуйста, не надо.

— Оставь меня в покое, — сказала она почти шепотом, не оборачиваясь. — Ты, Корпус, кто там еще, просто оставьте меня в покое.

Доминик попытался проглотить ком, вставший в горле, попытался найти слова — какие угодно слова — которые заставили бы ее остаться. Но считанные мгновения спустя она вышла за дверь. И хоть он подбежал к закрывающейся двери прежде, чем она успела захлопнуться, София ушла. Коридор оказался пуст, и кристалл в его руке снова сделался полностью прозрачным.

Глава 16

София прошла почти четыре квартала, прежде чем осознала, что оставила туфли в пентхаусе Доминика. Она заглянула в круглосуточную аптеку, и хоть сотрудница подняла голову, когда автоматические двери открылись без причины, она быстро вернулась к своим делам. София взяла пару сланцев, надела и так же бесшумно вышла.

Как легко все это вернулось, подумала София.

За те первые несколько недель она украла много всего. Потом, когда она была в бегах, это был вопрос выживания. Она понимала, что за ней следят те двое мужчин, которые явились в дом бедного Джейсона, а потом неделями и месяцами она просто не знала, что происходит. Она многому научилась за те месяцы, и среди прочего она выучила урок, что нельзя рассчитывать ни на кого, кроме себя.

Вот только это же неправда, да?

Был еще Brent, который появился из ниоткуда и дал ей работу, в которой она отчаянно нуждалась. Странно, что несмотря на свои способности, она никогда не соблазнялась ничем, кроме простейших скучных преступлений. Иногда она подумывала об ограблении непримечательных мест, но знала, что расплата всегда приходит, всегда поджидает ее. Brent спас ее от этого.

Доминик спас ее от чего-то иного, и когда София вспоминала его спокойный печальный взгляд, сердце разрывалось на части. Мысль о том, чтобы прожить с ним годы, возможно, даже столетия, накатывала на нее как морской прилив. Она слишком хорошо могла себе это представить. Большая часть ее хотела поддаться этому, позволить Доминику забрать ее. Но его мир был темным, и это пугало Софию. Более того, она наконец осознала, что слишком долго боялась, и это изматывало. Пугала даже мысль о том, чтобы прожить свою жизнь как есть. Идея о том, чтобы войти в тайное общество ведьм и колдунов и обрести жизнь, которая тянется вечно, вызывала у нее дрожь.

Дорога до дома заняла почти час. Несколько раз София вжималась в стены, чтобы избежать идущих по улице людей, и добравшись до дома, едва не рухнула от облегчения.

Зора встретила ее у порога с едва слышным мяуканьем, и София взяла кошку на руки, чтобы немного приласкать. Как будто почувствовав переживания хозяйки, Зора успокаивающе заурчала и потерлась головой о подбородок Софии. Со вздохом София опустилась на постель, устроив кошку рядышком. Хоть она и беспокоилась, что будет часами ворочаться без сна, усталость быстро взяла верх и завладела ею.

Глава 17

— София?

София резко проснулась и в панике отбросила одеяла. Она безумно осмотрелась вокруг, и звавший ее голос раздался снова.

Это был голос Доминика, и к своему ужасу она осознала, что доносится он из дверного проема. София тут же вспомнила, что прошлой ночью не заперла дверь, и теперь она слегка приоткрылась. Абсолютно неподвижно лежа на постели, девушка безмолвно наблюдала, как Доминик входит, аккуратно закрывая за собой дверь. В руках он держал кристалл, и София с удовлетворением заметила, что даже на расстоянии считанных десяти футов он упрямо оставался темным.

— София, мне очень жаль. Я не знаю, здесь ты или нет. Надеюсь, что здесь. Дверь была открыта, и я бы не вошел, если бы не... я не знаю, что пытаюсь сказать.

Доминик покачал головой, и если бы он не казался таким удрученным, Софии этот жест показался бы милым. Он присел на кровать, и София как можно тише отстранилась. Он находился достаточно близко, чтобы она могла протянуть руку и коснуться его, если захочет, но тут София осознала, что не может этого сделать. Она уже скучала по его рукам на своем теле, но не могла вновь проложить мост через разделявшую их пропасть.

— Боги, я не знаю, что творю. Вообще. Думал, что знаю, когда приезжал в этот город. У меня была одна миссия, о которой надо было позаботиться ради Сальвестро. Я собирался приехать, собирался найти тебя и собирался вернуть к своим, понимаешь? Я собирался привести тебя к людям, которые знали, как о тебе позаботиться, — Доминик едва не посмотрел на нее, и София задержала дыхание, но потом он скользнул взглядом по кровати. — Наверное, я не понимал, что ты слишком долго была сама по себе. Я не знаю, нравится тебе это или нет, но чертовски точно знаю, что ты очень хороша в этом. Я никогда не думал о том, что это может значить. Ты имеешь полное право гордиться тем, чего добилась, и надеюсь, ты это понимаешь. Ты устроила себе неплохую жизнь. Хорошая работа, надеюсь. Отличная кошка.

Последнее было произнесено с подмигиванием в адрес Зоры, которая оценила упоминание, запрыгнув ему на колени. Доминик слегка вздрогнул, когда она запустила в него крошечные коготки, но все равно почесал ей за ушками. Вскоре она уже мурлыкала и терлась головой об его руку в поисках еще ласки, и он отрешенно отвечал на ее призыв.

Внезапно София увидела, как Зора выглядывает из-под руки Доминика, и тут же испытала панический страх. Если бы Доминик смотрел на кошку, она тут же выдала бы ее местоположение. Единственное, что ее спасло — это то, что Доминик почти не уделял внимания кошечке.

— Она очень хорошая кошка, и готов поспорить, ты это уже заметила. Еще одна вещь, которую тебе стоит знать. Виккане, особенно ведьмы, привлекают животных. Обычно это животные определенного вида, но кем бы они ни были, они помогают им делать свою работу. Иногда они работают как фокус, а иногда становятся настоящими маленькими помощниками. У Стефана есть змея, которая ползает вокруг его стола. У меня был пес, овчарка. Я безумно его любил, но к сожалению, если я живу вечно, это еще не значит, что и он проживет столько же. Я потерял его в прошлом году. Это было нелегко.

Тогда София почти сделала это. Она почти протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но она знала, что тогда весь мир изменится. И для них двоих все тоже навеки изменится.

— Наверное, ты завела Зору, когда она просто подошла к тебе и отказывалась перестать ходить за тобой хвостиком, верно? — так и было. — Это часто случается. Говорят, что

виккан не выбирает животное, это животное выбирает виккана. У тебя есть друг на всю ее оставшуюся жизнь. Раз у тебя такой верный спутник, это многое говорит о тебе. Такие вещи ты необязательно узнаешь сама, и я признаю, что это пугает меня до чертиков. То, что ты так долго отлично держалась в одиночку, просто восхищает.

Он несколько раз тяжело сглотнул, и София с изумлением осознала, что он борется со страхом.

— Рыцари тамплиеров убивают таких, как я и ты, — прошептал Доминик. — Из-за них я потерял многих своих друзей. Я потерял мужчин и женщин, которых считал своими братьями и сестрами. Мы устраивали для них церемонии, но даже не находили тел для оплакивания, потому что тамплиеры так жестоко с ними обошлись.

Доминик помедлил, явно собирая волю в кулак, и Софии потребовались все ее силы, чтобы не обхватить его широкие плечи и не подарить ему утешение, в котором он нуждался. Но защитные щиты, которые она воздвигла вокруг себя за последние четыре года, были слишком сильны, и она осталась на месте, несмотря на укоризненный взгляд Зоры.

— Я даже не могу сказать тебе, как уберечься. Лучший известный мне способ — это держаться вместе. Молодые виккане живут с ковенами. Они учатся защищать себя. Они узнают, на кого можно положиться. С интернетом и смартфонами все становится проще, но все равно мы узнаем друг друга с первого взгляда. Мы знаем друг друга. Мы знаем, кому можно доверять. Я хочу, чтобы у тебя были люди, которым можно доверять.

Доминик помолчал, и последние несколько слов он как будто выдавил из себя силой.

— Я хочу, чтобы ты доверилась мне. Я надеялся, что ты доверяла мне, но теперь, думаю, это доверие утеряно.

Он замолчал. София попыталась заговорить, но слова застряли в горле. Она не могла открыться вот так. Она не могла выдать себя и просто сдаться.

Как будто придя к какому-то решению, Доминик вздохнул и поднял Зору с коленей. Она жалобно мяукнула, но он проигнорировал ее и принялся рыться в кармане. Он вытащил белую карточку и аккуратно положил на стол, потом взял листок бумаги и что-то на нем написал, сложив его и оставив рядом с карточкой.

— Мы здесь, и мы ждем тебя, София. Я... мы хотим защитить тебя. Мы хотим дать тебе место, где ты можешь быть собой и узнать больше о своих способностях, потому что это действительно дар. Я обещаю. Когда будешь готова прийти к нам, когда захочешь этого, дай нам знать. Я тут же примчусь. Я не шутил, когда говорил о долгой жизни с тобой. А до тех пор я оставлю тебя в покое, дам тебе столько времени, сколько тебе нужно.

Доминик выглядел так, будто хотел продолжить, но потом покачал головой.

— Вот придурок, да?

Волоски на шее Софии встали дыбом, но потом она осознала, что он говорит с Зорой, и та согласно мурлыкнула.

— Она, наверное, уже сделала ноги или готовится к этому, да, Зора? — Доминик бережно почесал у нее за ушком. — А я говорю сам с собой.

Он ушел, захлопнув за собой дверь. На дрожащих ногах София подошла к столу. На нем лежала маленькая белая карточка, и посмотрев поближе, она увидела, что это небольшая деловая визитка. На ней было написано только его имя, Доминик Берретт, номер телефона и адрес в Бостоне. Вещица казалась довольно простой, но когда София взяла ее, пальцы почему-то слегка покалывало. Когда она развернула записку, все стало ясно.

София,

эта визитка — одна из игрушек Стефана. Разорви ее, и двое ближайших членов Корпуса будут знать, что ты одна из нас и нуждаешься в помощи. Мы серьезно относимся к своей работе. Разорви визитку, и мы примчимся. Я буду неподалеку еще день-другой. Надеюсь, именно я приду на твой зов, но если нет, ты все равно будешь защищена. Я обещаю. Это все, чего я для тебя хочу.

Доминик.

София долго держала визитку в руке и на какой-то безумный момент подумала, что разорвет ее, призовет его обратно, скажет "да" всему на свете. Но она не могла, просто пока не могла. Ей нужно было время подумать. Она взяла свой мобильник, сняла чехол и засунула визитку под него.

Глава 18

Вернувшись в пентхаус, Доминик принялся бродить из комнаты в комнату. Он провел большую часть дня в спортзале отеля, поднимая тяжести и коротко отказывая проходящим мимо мужчинам, которые предлагали подстраховать. Он хотел ощутить наказание железа. Он хотел этого веса, который давил на него. Он хотел вымотать себя до полного изнурения, чтобы не думать о прекрасной женщине с темными глазами и темными волосами.

Наконец он, усталый и измотанный, вынужден был вернуться в свой пентхаус, но все равно не мог выбросить ее из головы. Ее запах на его подушках и его постели. Во время душа Доминика преследовал образ Софии, извивающейся для него под сугробами из пены. Было уже почти одиннадцать, когда он решил позвонить Стефану.

— Эй, чемпион, как тебя принял город?

Доминик зарычал, будучи совсем не в настроении для шуточек Стефана.

— Все хорошо. Я готов вернуться, отчитаюсь, когда доберусь до базы.

— Значит, ты нашел самую девушку?

Доминик поколебался.

— Да, да, я нашел ее. Она не едет со мной.

— Что?

— Слушай, ибо я скажу это только раз, Стефан. Она не едет. Она не хочет к нам. — *Она не хочет меня.* — Я возвращаюсь домой. Миссия выполнена.

— Все это странно.

— Не мое решение, — отрезал Доминик. — Она не хочет иметь с нами ничего общего, говорит, что и сама отлично справляется, и учитывая, что она скрывалась от нас добрых четыре года, я склонен согласиться. Выбор за ней, не за мной.

— Хмм. Кажется, ты чего-то не договариваешь, друг мой, но повиси, мы хорошо знакомы с этим выбор-не-за-мной. Пожалуйста, повиси на линии, не уничтожь наволочку и матрас, пока ждешь моего возвращения, и думай о чем-нибудь хорошем.

Стефан, будь он проклят, действительно включил на линии счастливую музыку для ожидания, пока куда-то отошел. Доминик остался раздраженно скрежетать зубами. Ему действительно хотелось разодрать что-нибудь в клочья, а еще лучше вернуться в спортзал и снова заняться тяжестями. Все что угодно, лишь бы не висеть на линии, опять думая о Софии — о том, как будущее, о котором он всегда мечтал, так запросто выскользнуло из его рук.

Да брось, ты знаешь ее всего несколько дней, попытался он убедить себя.

Но Доминик не лгал, когда говорил ей об ударе молнии. Этого он не мог забрать — да и

не хотел. Ему просто придется жить с этим, как и со многими другими вещами.

Стефан вернулся на линию, и в этот раз голос его звучал совершенно иначе. Как бы они ни подшучивали друг над другом, Стефан на самом деле превосходил его по рангу. Он был Майором в чине железного пентакля, и именно этот человек вернулся на линию.

— Отставить покинуть город, Берретт. Командир хочет, чтобы ты оставался на месте и держался настороже.

Доминик обычно был хорошим солдатом, хотя его работа во многом была связана с импровизацией, а не точным следованием чужим приказам. Однако когда Командир отдавал приказ, он подчинялся.

— Я хочу знать почему, — сказал он, отбросив несколько резких возражений, крутившихся на языке. — На мой взгляд, работа выполнена. Мы не заставляем никого перейти под нашу защиту, если они совершеннолетние и доказывают, что могут за себя постоять. Что происходит?

— Это больше связано с тем, о чем мы узнали перед твоим прошлым звонком. Мы получаем сообщения об активности тамплиеров в твоем регионе. Мы не знаем, что это, и честно говоря, не знаем, мятеж это или что-то в таком роде. Однако Командир хочет, чтобы кто-нибудь присмотрел за местностью. Если там бегает необученная ведьма, то твои ноги уже там неподалеку.

Доминик прошипел ругательство, но видел в этих словах логику. Они не могли выслать целую команду на основании одних только слухов, только не тогда, когда столько членов Корпуса заняты на юге. Не будь его сердце скручено узлами, Доминик порадовался бы возможности расслабиться и провести еще немного времени в пентхаусе. К сожалению, все было иначе. Но по мнению Командира Доминик идеально подходил для того, чтобы присмотреть за этим городом.

— Есть. Слушаюсь и повинуюсь, Стефан.

— Ага, и я прямо слышу, как ты от этого в восторге. Командир говорит напомнить тебе, что сейчас происходит много всего, но если понадобится подкрепление, мы найдем ребят.

— Понял, Стефан. Я сообщу, если что-то замечу. Но если за следующую неделю ничего не увижу, тебе придется предоставить мне чертовски весомую причину остаться здесь.

— Понял тебя, Берретт. Я всегда на связи, так что звони, если что понадобится.

Последовала тишина, и Доминик буквально слышал, как его друг перебирает дюжину других вопросов.

— И если просто захочешь, тоже звони. Это необязательно должен быть конец света.

Смех Доминика прозвучал как-то пусто, и он повесил трубку, не ответив. По ощущениям как раз-таки наступил конец света, но едва ли это можно было объяснить другу по телефону.

Доминик растянулся на кровати, чувствуя запах Софии и секса, которым они занимались менее двадцати четырех часов назад. Он жил уже достаточно долго, но никогда не переставал удивляться тому, как вещи могут измениться за долю секунды. Доминик подозревал, что теперь вся его жизнь окажется расколотой надвое — на "до Софии" и "после Софии". Причем "после Софии" с каждой уходящей секундой становилось все бледнее.

Наконец Доминик поднялся на ноги и выглянул в окно. Темнело, и несмотря на нехватку сна, он решил, что будет неплохо выйти на патрулирование улиц. В данный момент он совсем не стал бы возражать против небольших неприятностей.

Следующие два дня прошли как в тумане, и София рада была вернуться к работе. Разум ее был занят вовсе не делами, лежащими перед ней, и даже приняв платеж от очень щедрой Аманды Бёрнс, она смогла лишь выдавить бледную улыбку. Brent, казалось, заметил ее мрачный настрой, но ничего не сказал до конца рабочего дня.

Она как раз переворачивала табличку на двери на "Закррито", когда он вышел из своего офиса и пригвоздил ее своим пронизывающим взглядом. В иной день она испугалась бы этого пристального взгляда, но последние двое суток она как в тумане бродила по своей квартирке. Она не спала, очень мало ела, и Зора ей тоже не помогала — лишь гипнотизировала ее взглядом и орала на нее со стола.

— Все хорошо, босс? — наконец, спросила София. — У меня что-то не то на лице?

— Скорее, чего-то не хватает. Я знаю тебя, малышка. Я знаю, что ты можешь улыбаться, даже когда дела давят на нас обоих. Что происходит? Это как-то связано с тем парнем, о котором ты мне рассказывала?

София хотела быть сильной. Она хотела быть той стойкой девушкой, которую знал Доминик, которая не полагалась на него или на кого-то другого ради безопасности. Однако она так давно была этой девушкой и внезапно больше не могла продолжать в том же духе. Бесцеремонно выраженная забота Brentа сломала последний из ее хрупких барьеров, и на глаза навернулись слезы. Она чувствовала, что тело содрогается от произвольных рыданий, и заметила, как Brent застыл, как будто никогда раньше не имел дела с плачущей женщиной. Он неуверенно положил руку на ее плечо, и это выглядело так неестественно, что она хихикнула сквозь слезы. Она смахнула его руку, вытерла глаза и широко улыбнулась, хоть и не перестала разводить сырость.

— Никогда не сталкивался с плачущей женщиной? — поддразнила София, и Brent криво улыбнулся. В такие моменты сложно было помнить, что ему почти шестьдесят.

— Эта работа чаще сталкивает тебя со злыми мужчинами, а не с грустными женщинами. Но эм, ты мне не безразлична, и я хочу позаботиться, чтобы у тебя все было хорошо. Мне этот парень сразу не понравился, как только ты о нем упомянула.

— Он больше не будет проблемой, — сказала София, махнув рукой, как будто могла отогнать все свои кошмарные переживания.

— Вот как? — сказал Brent, напрягшись. Софии показалось, будто он думает, что она сейчас сознается в убийстве.

— Ха, нет, я не прикончила его, ничего такого. Я просто... ну, он уезжает из города. Что? — она вопросительно уставилась на босса, и он покачал головой.

— Извини, я стар и имею представления о том, как настоящие джентльмены должны обходиться с дамами. Но ты говоришь, что он уже уехал?

— Уехал или скоро уедет. Мы виделись в субботу, кажется. Он сказал, что уедет из города, — София собирала свои вещи, стараясь игнорировать то, как Brent смотрит на нее. — Но да, так или иначе, я вне опасности. Нет необходимости сидеть у тебя в подвале, как подросток, испугавшийся фильма ужасов, ладно?

— Ладно, ладно, — сказал Brent после долгой паузы. — Слушай, ты сейчас собираешься домой?

— Планировала, а что?

— Не могла бы ты позаботиться об этой горе бумажной работы перед уходом? Мне нужно кое-куда отправиться, и мне не помешала бы помощь.

— Сверхурочные так сверхурочные. Конечно, я займусь этим. Иди и не волнуйся.

— Ты просто сокровище, малышка. Осторожнее по дороге домой.

— Конечно.

В конце концов, бумажная работа не так уж плоха. Когда София закончила, было уже почти восемь часов, но как она и сказала Бренту, сверхурочные и есть сверхурочные, а ей не помешают лишние деньги, чтобы ненадолго выбраться за город.

Перед глазами самопроизвольно встало лицо Доминика, и София вздрогнула. Его рассказы об Италии вызывали желание посмотреть на эту страну, но даже если ей удастся накопить достаточно денег на долгий перелет через океан, она не могла сказать точно, хотелось ли ей увидеть венецианские каналы, или же ей просто хотелось увидеть их с ним.

Дорога до квартиры прошла спокойно, и София вновь пошла через парк. Она вспомнила, как они встретились здесь во время концерта, а потом, как будто она призвала его своими мыслями, София увидела его силуэт возле качелей.

Она на мгновение потеряла дар речи, подумала о том, чтобы воздвигнуть защитный барьер и скрыться за невидимостью, но потом ощутила, как в ней вскипает неведомая прежде злорада. Несправедливая, но реальная, и она заставила Софию подойти напрямиком к Доминику.

— Вот так ты держишься на расстоянии, да? — потребовала она. — Вот так ты даешь мне время и пространство для размышлений?

Доминик вскинул голову. Увидев ее, он долгое мгновение просто смотрел.

— София, клянусь, я понятия не имел, что ты здесь.

— Хрень полная. Мы встретились здесь. Я прохожу через этот парк дважды в день, а у тебя есть магическая игрушка, которая сообщает тебе, где именно я нахожусь. И ты ожидаешь, что я тебе поверю?

В ответ Доминик поднял кристалл, который держал в руке. София помнила, как он засиял, когда они были вместе в номере отеля, а теперь он казался пустым как кусок камня.

— Это больше не работает, — сказал он с кривой улыбкой. — Видимо, ты перешла на новый уровень.

— И что это должно значить? — скептически поинтересовалась София.

— Эта штука раньше мерцала, то зажигалась, то гасла. Я хотя бы имел представление, где примерно ты находишься, и понимал, когда приближаюсь, и в городе ли ты вообще. Теперь не могу.

— Это я что-то сделала? — недоуменно переспросила София.

Доминик покачал головой.

— Это скорее ты сама. Твоя сила в том, что ты прячешься. Ты скрываешься, и будь я проклят, если понимаю, то ли это невидимость, то ли ты просто заставляешь людей не смотреть в то место, где ты стоишь. За последние несколько дней все усилилось. Дошло до такой степени, что по этой маленькой игрушке я не могу понять, рядом ты или на луне.

— Это ты что-то сделал?

Ответный смешок Доминика прозвучал горько и обрывисто.

— Я мог бы сказать что-то о нежелании давать тебе еще одного способа спрятаться от меня, но нет, дело не во мне. Однако подозреваю, что хоть ты и не инициировалась, близость с колдуном что-то спровоцировала в тебе. Твоя сила хочет расти и изменяться, и нахождение рядом с другими могущественными людьми этому способствует. Не стоит благодарности.

София нахмурилась.

— Я этого не хотела.

— Что ж, так это устроено.

— Ты ждал меня? — потребовала она.

Доминик помедлил.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Может, я надеялся. Ты была в квартире тем утром?

Молчание Софии стало лучшим подтверждением, и Доминик кивнул.

— Я так и подумал. Это странно. Я надеялся, что ты была там, и в то же время надеялся на обратное.

— Почему?

Лицо Доминика точно заволокло темной тучей, и это заставило Софию сделать шаг назад. На мгновение она увидела в нем мужчину, который некогда убивал ради денег, который прожил долгие пять сотен лет, занимаясь именно тем, что доставляло ему удовольствие.

— Неужели это так сложно понять? — потребовал он. — Неужели так сложно понять, что хоть я и надеялся, что ты выслушала мои словоизлияния, я все равно не хотел быть там, если ты и дальше собираешься от меня прятаться?

— Это я делаю лучше всего! — выкрикнула София. Это шокировало Доминика настолько, что вся ярость схлынула с его лица. — Разве ты не понимаешь? Последние четыре года я бежала и пряталась, и если быть честной с тобой до конца, то предыдущие двадцать лет я занималась тем же самым! Мои родители умерли, когда я была ребенком. Я попала в систему опеки. И поверь мне, когда ты в системе опеки, ты не хочешь, чтобы кто-то тебя замечал.

— София...

— Послушай меня! Меня устраивало прятаться до конца своих дней. У меня получалось все лучше и лучше. Я выходила, говорила с людьми, делала свою работу и делала все это в свое время. Я завела кошку! Ты хоть понимаешь, сколько времени мне понадобилось, чтобы осознать, что я готова завести кошку?

София покачала головой. Ярость, спровоцировавшая этот всплеск, почти ушла, но на ее место пришла глубинная усталость.

— Я обеспечивала свою безопасность почти всю жизнь, Доминик. Ты не можешь просто прийти и... и...

— Помочь? — продолжил он на удивление нежным голосом. — Забрать у тебя часть этого бремени, сказать, что тебе больше не нужно прятаться? Ты не должна, София. Пожалуйста...

— Ничего не изменилось, — сказала она. Голос ее звучал приглушенно, и София понимала, что если продолжит разговаривать с ним, то начнет плакать. — Ничего не изменилось, совсем. Пожалуйста, оставь меня в покое, Доминик.

— Все необязательно должно быть так, София, — сказал он, но в его голосе звучало поражение.

Она отступила на еще один шаг, и как будто желая избавить их от еще больших страданий, Доминик перевел взгляд на качели. София призвала свою силу — он был прав, стало проще — и когда он вновь посмотрел на нее, она знала, что он ее не видит.

— Прощай, милая, — сказал Доминик, поражение в его голосе сплеталось с печалью, хоть он и не знал, что она его слышит.

В этот самый момент София больше не могла этого выносить. Она подошла ближе, невесомая как воздух, и поднявшись на цыпочки, прижалась поцелуем к его губам. Доминик ошарашенно замер, но потом его руки быстро обхватили ее тело. Он углубил поцелуй, и она растаяла в его объятиях, но поцелуй закончился так же быстро, как и начался. Доминик оттолкнул ее с выражением невыносимой боли на лице. София вспомнила его слова о том, что удар молнии может быть как благословением, так и проклятьем, и теперь она это понимала. Воздух между ними затрещал, как в затишье перед ударом молнии, и она задрожала.

— Если ты не будешь со мной, если ты хотя бы не присоединишься к людям, которые станут для тебя семьей, оставь меня, София. Пожалуйста.

Ее сердце разбилось. Она больше не могла этого выносить. Она развернулась и ушла. Когда она обернулась на Доминика, он уставился в пространство перед собой, но невозможно было сказать, то ли он ищет ее, то ли просто смотрит в никуда.

Глава 20

Забавно, как ты ходишь, когда не обращаешь внимания на маршрут. София дюжину раз обошла квартал со своим домом, просто пытаюсь привести мысли в порядок. Но потом осознала, что уже поздно, а Зора ждет еду. Поднимаясь по лестнице, она вдруг ощутила легкое покалывание на затылке. София уже чувствовала нечто подобное пару раз в своей жизни — перед смертью родителей и перед тем, как случилось что-то плохое. Но сейчас все иначе. Она в безопасности. Она хорошо спряталась.

Но первым знаком, сигнализирующим об обратном, стало то, что Зора не поприветствовала ее дружелюбным мяуканьем с порога. Потом София пару раз щелкнула выключателем туда-сюда и только после этого осознала, что он не работает. Она заставила себя сохранять спокойствие, достала из сумочки телефон и с помощью его тусклого света добралась до ванной комнаты. К счастью, освещение в ванной все еще работало. Через дверь в основную комнату пролился яркий луч света, и София ахнула.

В ее крошечной квартирке, обставленной за счет лазанья по помойкам и сэконд-хендам, царил полный бардак. Как будто кто-то кувалдой прошелся. Кресло и корпус кровати разбиты в щепки. Одежда разбросана всюду и затоптана. Стол небрежно завален набором, ноутбук сломался под его весом. Потолочная люстра разбита, потому и не включилась ранее. София засунула телефон обратно в карман.

Зоры нигде не было видно, и набравшись храбрости, София шагнула в комнату.

— Киса? — произнесла она дрожащим голосом. — Дорогая, все хорошо.

София вошла в крохотную кухоньку, надеясь, что здесь освещение еще работало, но включив свет, она увидела, как что-то свешивается с дверной притолоки. На какой-то ужасный момент София подумала, что это Зора, но потом осознала, что это всего лишь кукла. Вещица была сшита грубо, сделана из ткани, глаза из пуговиц, волосы из соломы, но она была подвешена за шею. И пока София в ужасе таращилась на куклу, та повернулась лицом к ней.

Это было уже слишком. София выбежала из квартиры, пронеслась по лестницам и выскочила на улицу. Она задыхалась, слезы катились по лицу, она не могла думать. Она не могла собраться, и часть ее ужасно злилась на Доминика. Она никогда не была такой до него. Она была спокойной. Она знала, что безопасно, а что нет. Но теперь, будучи не в состоянии остановить себя, она понеслась на улицу, где начинал накрапывать легкий

дождик. Она знала лишь то, что должна бежать. Но куда? Дыхание все учащалось и учащалось.

— Так, — прохрипела София. — Так, сохраняем спокойствие.

Она нырнула в близлежащий переулок, чтобы перевести дух. Но когда на ум пришли слова Доминика о тамплиерах, о людях, которые приходят, чтобы убивать ведьм вроде нее, паника вновь пригрозила взять верх. София прижалась к стене, грудь ее тяжело вздымалась, и в этот самый момент в конце переулка остановилась знакомая машина. Парализованная странным чувством чего-то знакомого в крайне странную для нее ночь, София наблюдала, как из машины выходит Brent. Если раньше он казался каким-то чужим, то теперь выглядел откровенно пугающим.

— Иди сюда, София, — сказал он.

В его голосе звучало нечто пугающе мертвое, ужасающе темное. В его руке виднелось какое-то странное желтоватое свечение, и как бы упорно София ни старалась исчезнуть, эти ужасные глаза продолжали смотреть на нее.

Инстинкты взяли верх, она развернулась и побежала. Но боже, он был быстрее, чем она могла себе представить, быстрее, чем может быть человек. С леденящим ужасом София осознала, что возможно, он вовсе и не был человеком.

Его рука обхватила ее запястье как кандалы. И когда София попыталась бороться, это было все равно, что сопротивляться железу.

— Ты, — отстраненно сказал Brent, — причинила мне огромную кучу проблем.

Он оттащил ее в машину, и как бы она ни сопротивлялась, она ничего не могла поделать. София пыталась упираться ногами, пыталась зацепиться за фонарный столб, но его сила просто приводила в ужас. Наконец, она открыла рот, чтобы закричать. Хоть она и научилась никогда, никогда не поднимать шума, она знала, что должна это сделать. Но тут ее рот и нос зажала тряпка с отвратительным запахом.

София пыталась бороться с немедленно нахлынувшим на нее дурманом, но его действие оказалось таким же безжалостным, как и сам Brent. Ее последняя мысль была о Доминике, об его обеспокоенных глазах и милой улыбке. Но потом ее веки опустились, и она уже ничего не чувствовала.

Глава 21

София смутно осознавала то приближающиеся, то удаляющиеся шаги. Ее руки были связаны, все тело отяжелело и обмякло. Она лежала на боку на жестком кафельном полу и вдруг поняла, что это Brent неустанно мечется туда-сюда. Все еще одурманенная, она попыталась придумать, что может сделать, чтобы напасть на него и освободиться. Затем она услышала глубокий усталый вздох.

— Seriously, малышка, ты думаешь, я не узнаю, что ты очнулась? Заканчивай притворяться.

София открыла глаза и увидела, что лежит на кафельном полу в комнате, выглядящей как отлично оборудованная кухня. Хоть Brent стоял немного в стороне, он тут же подошел к ней.

— Давай, — сказал он, хватая ее за блузку. — Дай я тебе помогу.

София услышала звук рвущейся ткани, когда Brent дернул ее в сидячее положение и отбросил к шкафчикам. Она содрогнулась от острой боли в спине. Она не имела ни малейшего понятия, как вообще могла принимать его за пожилого человека. Он творил свои

зверства с такой небрежностью, которая говорила о большом количестве практики. София осознала, что Brent обладает той же аурой, что и Доминик, но в данном случае это приводило в ужас.

— Какого черта здесь происходит? — выдавила она.

Хоть ей и хотелось, чтобы ее голос звучал твердо и требовательно, на деле он дрожал как двухдневный котенок. София попыталась еще раз.

— Чего ты хочешь? Что ты делаешь?

— А твой следователь не рассказал тебе, что происходит? Он даже не оказал тебе эту услугу перед уходом?

— Ты рыцарь тамплиеров, — прошептала она.

Brent усмехнулся, похлопав по булавке для галстука в виде меча.

— Был. Я был рыцарем тамплиеров, пока не впал в немилость. Теперь, если обо мне и вспоминают, то как об антиквариате. Та ночь в Финиксе изменила все для нас обоих.

— Финикс? Ты был там? — София едва выдавила из себя эти слова, безумными глазами уставившись на своего бывшего работодателя. — Это ты убил...

— Убил твоего маленького бойфренда? Да, я его убил, — кивнул Brent, как будто просто убивал время. — Сначала я решил, что это он тот колдун, за которым я охочусь. Представь себе мое удивление, когда мне сказали, что я ошибся.

— Ты убил Джейсона! — прорычала София, злость и ярость вновь вздымались в ней.

— Он был никем, — нетерпеливо ответил Brent. — Он был ошибкой, и поверь мне, за последние четыре года я достаточно жалел о том, что совершил эту ошибку. Они назвали это моей последней ошибкой, последним знаком, подтвердившим мою ненадежность в полевой работе, что мне нельзя доверять. Представляешь?

Brent схватил Софию за волосы и вынудил посмотреть ему в лицо. Его глаза оставались невероятно спокойными, но где-то там позади таилось безумие. В ослепительной вспышке воспоминаний София вновь видела, как он убивал Джейсона — и как собирался убить и ее тоже.

— Они изгнали меня сюда, — тихо сказал Brent. — Сказали мне сидеть и не привлекать внимания, на случай если они решат вновь пустить меня в дело. Какие идиоты. Они не понимали, что устроили все так, чтобы наши пути вновь пересеклись.

— Почему ты меня не убил? — прохрипела София, и он пожал плечами, небрежно отпуская ее.

— Я не был уверен, хочу ли это делать. Они обошлись со мной несправедливо. Зачем мне делать их работу? А потом я осознал, что если мои люди все еще ищут тебя, значит, колдуны занимаются тем же самым. Они отчаянно пытались найти тебя, отвоевать одну из себе подобных. После этого я решил просто ждать. Они пришли бы за тобой рано или поздно. Я знал, что они послали бы колдуна.

Хладнокровная маска Brentа на мгновение треснула, и скрывавшаяся под ней ярость проступила наружу.

— И они послали его, но он уехал!

Он обхватил ладонью ее руку и легко поднял на ноги. Ее лицо находилось в считанных дюймах от его лица.

— Ты оказалась такой бесполезной, такой жалкой, что он не захотел тебя! Ты знаешь, что может заставить мага отказаться от его долга? Ничто в этом гребанном мире! Нет, если только ты не оказываешься такой ничтожной, что даже не стоишь затраченного на тебя

времени!

Брент так сильно швырнул ее к холодильнику, что в глазах помутилось. Воздух вырвался из легких Софии с резким хрипом. Она не сумела устоять на ногах. Но потом он вновь оказался рядом, в поле зрения и на удивление нежно поставил на ноги.

— Нет, ничто на свете не отвлечет офицера Корпуса от выполнения долга.

Глаза Софии наполнились слезами, и ей было все равно, если Брент подумает, что это от страха. Но последний кусочек пазла встал на место, и она не могла этого вынести. Ничто не заставит мага отступить от дела, кроме любви. Он любил ее и отпустил.

— И теперь я сижу тут с наживкой, которая оказалась абсолютно бесполезной. У меня имеется неопытная никудышная ведьма, учинившая мне все мои проблемы. Никакого офицера Корпуса Магов. Никакого признания и допуска обратно к работе. Ничего.

Брент помедлил, а потом, к ужасу Софии, потянулся за ножом, лежавшим на столешнице шкафчика. Обычный поварской нож, простой и крепкий, но от того, с какой легкостью он с ним управлялся, у Софии побежали мурашки по спине.

— Ну, ничего, за исключением удовольствия от убийства ведьмы. Конечно, мне не позавидуешь, детка.

Брент высоко поднял нож, и София не могла отвести взгляда. Тысячи мыслей металась в ее голове: она гадала, больно ли будет; а ведь она прожила так мало; как она ненавидела Брента за то, что он так рано обрывает ее жизнь. О, пожалуйста, она хотела жить. *Доминик, Доминик, Доминик, мне так жаль!*

Звон разбивающегося стекла поразил их обоих. Он доносился из гостиной, и за ним последовал рев, который сотряс весь дом.

— Тамплиер, выходи и сражайся!

София знала этот голос. Знала, но едва узнала из-за искажившей его ярости. Это был Доминик, но не тот нежный любовник, с которым она была в постели. Он вошел на кухню с обоими кинжалами наготове, беря ситуацию под контроль.

Хватка Брента на руке Софии усилилась, он притянул ее ближе. Она буквально съезжилась у него на груди, не имея возможности бороться.

— Ты не тот, кого я ждал, — сказал Брент мертвенно спокойным голосом.

— Я тот, кого ты получишь, тамплиер. Отойди от нее и давай разберемся с этим.

— Отойти? Я так не думаю. Ваш Корпус, может, и предпочитает честную игру, но мы, тамплиеры, предпочитаем действенные приемы. Нет, думаю, ты бросишь кинжалы и позволишь мне выпотрошить тебя.

— И с чего бы мне это делать?

— Возможно, потому что когда я закончу с тобой, я отпущу эту маленькую ведьмочку. Она сумеет убежать и прожить немного дольше. Что это значит для тебя, колдун?

К абсолютному неверию Софии кинжалы Доминика дрогнули.

Нет! Этого не может быть. Он не может...

Брент гортанно рассмеялся, в его груди зародился вибрирующий звук. Это выражение на лице Доминика. Нотки триумфа в смехе Брента. Без раздумий София сделала единственное что могла. Она повернулась к нему лицом и укусила. Как только ее зубы впились в его грудь, ее обуяла дикая паника. Она едва могла поверить в происходящее. Но ее рот заполнился тканью и плотью, а потом и вкусом крови.

Брент взвыл как разъяренный зверь и отшвырнул ее в сторону. Перед тем, как удариться о столешницу, София видела, как Доминик бросился к Бренту. Тамплиер извернулся с

быстротой куницы, и они принялись кромсать друг друга, двигаясь так быстро, что София едва могла различить происходящее. В воздухе сверкали ножи. Она слышала, как воздух свистел от их движений, и что еще хуже, она видела кровь.

— Прячься! — заорал на нее Доминик. — Прячься!

Внезапно воздух затрепал, и волоски на ее коже встали дыбом. Это была молния, удар молнии Доминика. София отшатнулась, отодвигаясь вдоль шкафчиков, а потом рухнула на пол. Синяя молния полыхнула по всей комнате, ослепляя ее, и запах озона заполнил ноздри. Когда София наконец сумела перекатиться на бок и открыть глаза, она увидела тело Брента. Хоть от него все еще медленно поднимался пар, он лежал абсолютно неподвижно. Шею вспарывала зияющая красная полоса. София не сомневалась, что он уже никогда не пошевелится. К счастью, вид у нее был неполный.

Доминик прихрамал к ней, и к своему ужасу София увидела, что по крайней мере часть крови принадлежала ему. Кровь капала с его плеча, а на груди виделась открытая рана. Несмотря на свои повреждения, он освободил Софию и нашел в себе силы взять ее на руки.

— Когда решаешь вернуть парня, тебе лучше не шутить с этим.

Доминик обхватил ее руками.

— Ты ранен, — сказала София, не в силах отвести взгляд от его ран. — Нам надо вызвать скорую.

— Мне доставалось и похуже, — сказал Доминик, смеясь. — Намного, намного хуже. Честное слово. Исцеление потребует времени, но я буду в порядке.

Ей потребовалась минутка, чтобы переварить это.

— Но если ты исцелишься, что насчет...?

Она покосилась на тело Брента, и взгляд Доминика сделался жестче.

— Они тоже нечто иное, но вспоротое горло и несколько тысяч ватт электричества убивают их точно так же, как и любое живое существо. Тебе больше не нужно о нем беспокоиться. Он убил твоего друга Джейсона, не так ли?

— Да, — с дрожью произнесла София. — Он собирался убить меня. Я даже не знаю, как он меня нашел. Я вроде не делала ничего особенного.

— Боюсь, я причастен к этому, — тихо сказал Доминик. — Конечно, он узнал тебя, когда ты приехала, держал под боком благодаря работе сыщика. Умно с его стороны. Он изучил тебя и в Финиксе, знал, где ждать твоего появления, знал, что тебя привлечет. Я тоже не мог это забыть. Как будто смерть Джейсона связала нас троих. Все наши жизни... изменились.

Финикс. Все это внезапно показалось таким далеким.

Доминик оттянул воротник рубашки, чтобы проверить раны на плече и груди. К изумлению Софии на их месте остались лишь бледно-красные рубцы. Она невесомо провела по ним дрожащими пальцами. Доминик взял ее за руку.

— София, — сказал он, пристально глядя ей в глаза. Его взгляд заморозил ее, как будто само время замерло. — Никогда больше не говори мне "нет". Никогда. Не думаю, что я смогу...

— Да, — сказала она, заглушая его слова своими губами. — Да, — прошептала она ему в рот. — Да, да, да.

Глава 22

ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ

Горы Катскилл были просто великолепны в разгар лета. Листва на деревьях была всех возможных оттенков зеленого, и из охотничьего домика Доминика на склоне София могла видеть это все. Утренний воздух был слегка прохладным, и она крепче закуталась в толстовку, которую только что вытащила из шкафа Доминика.

В домике на кресле тихо и довольно сопела Зора. Они нашли ее перепуганной в шкафу Софии, и весь оставшийся путь она проделала на коленях Софии.

— О чем задумалась? — спросил Доминик.

Он подошел сзади и обвил руками ее талию. София начинала привыкать к тому, что рядом есть кто-то, на кого можно положиться, и ей понадобилась всего секундочка, чтобы вновь расслабиться в его руках.

Доминик уткнулся носом в ее шею, и София тихо хихикнула.

— Ты немного из меня вытянешь, если будешь продолжать в том же духе, — заметила она, и он послушно остановился. За это она его и любила. Доминик хотел слышать то, что ей нужно было сказать, и он располагал пятисотлетним терпением, чтобы ждать, пока она заговорит.

— Я неделями не пряталась, — тихо сказала София, и его руки еще крепче ее обняли. — И мне хорошо. Это кажется правильным.

— Я рад, — прошептал Доминик ей на ухо. София повернулась, и он соединил их бедра, еще ближе привлекая ее в объятия. — Потому что я люблю тебя, — заявил он со всей серьезностью, глядя ей в глаза. — Я ни в чем не был так уверен, как в этом. Я люблю тебя, София, и я никогда не остановлюсь.

На мгновение она подумала о тех блеклых годах, полных прятков. Она прятала даже свое сердце — от боли потери и риска страданий. И хоть София волновалась, что спрятала его слишком хорошо, следующие слова дались легко.

— Я люблю тебя, Доминик, — прошептала она.

И когда его губы нежно коснулись ее рта, а слова эхом отдались в мыслях, София поняла, что ей больше никогда не придется прятаться.

Выдержка из книги «Себастьян» (Ее колдун-защитник #2)

Николетт продлевала поцелуй как могла. Ей не хотелось переставать целовать этого мужчину. Она никогда не хотела отнимать свои губы от его губ или отстраняться от него. Прошло так много времени с тех пор, как она кого-то целовала, но ей подумалось, что этот мужчина, эта ночь и это летнее небо стоят всего ожидания.

Она слышала шум оживленной улицы вдалеке и чувствовала в воздухе свежий запах летнего сена. Рукой, легко покоившейся на груди Себастьяна, она чувствовала его сердцебиение, а когда она наконец отстранилась, его взгляд был совершенно диким.

— Николетт, я должен тебе сказать...

— Завтра. Это может подождать до завтра, верно?

Она не была уверена, доверяла ли ответу его глаз, поэтому она прижала его к одеялу и поднялась, чтобы оседлать его бедра. Она наслаждалась ощущением его тела под собой, грубость джинсов, касавшихся голой кожи ее ног, возбуждала ее.

— Ты ходячая проблема, — произнес Себастьян тихим хриплым голосом.

Николетт издала смешок.

— Точно, — сказала она. — И ты должен понимать, что я проблема, которая того стоит. Я не даю никаких обещаний и не предлагаю ничего, кроме этой ночи, но до рассвета... ну, я хочу всего с тобой. Ты понимаешь?

Его руки опустились на ее бедра, и Николетт задрожала от ощущения того, как уверенно он касается ее плоти. Себастьян медленно скользнул к ее талии, и она чувствовала в нем силу, затаившуюся и выжидающую. Этого стоило опасаться, но как и многое другое в этом странном мужчине, это вызывало лишь ощущение безопасности и тепла.

— Я понимаю и думаю, ты всегда стоишь тех проблем, которые доставляешь, если это вообще можно считать проблемами. Думаю, это кое-что другое.

Николетт хотела спросить, что он имеет в виду, но тут Себастьян приподнялся, чтобы накрыть ладонью ее затылок и привлечь для очередного поцелуя. Этот оказался долгим и опьяняющим, и когда его язык коснулся ее губ, она приоткрыла рот. На вкус Себастьян был как то яблоко в карамели, которое они разделили раньше, и было еще что-то его, не поддающееся определению. От этого вкуса она легко пьянела и начала медленно ерзать на нем, извиваясь, пока он ее целовал.

Николетт чувствовала животом, как затвердел его член, и от этого перехватило дыхание. Его налившаяся силой мужественность вжималась в нее, заставляла ее тело ныть от желания, и она потерялась об него, выпив протяжный вздох с его губ.

— Милая, шоу продлится очень недолго, если ты будешь продолжать в том же духе.

— А может мне нравится жестко и быстро, — пробормотала Николетт, и ответом стал лишь прерывистый смех.

— Я не уверен, хочу ли этого, — сказал Себастьян.

Без предупреждения он опрокинул ее на спину на одеяла. Он поднялся над нею и вновь поцеловал. В этот раз Себастьян позволил своему рту спуститься от губ к ее уху, а когда Николетт повернула голову, чтобы дать ему больше пространства, он прикусил нежную мочку уха.

— Думаю, если сегодняшняя ночь — это все, что у нас есть, я хочу это растянуть. Я хочу получить как можно больше тебя, я хочу пробовать тебя на вкус, лизать и кусать. Заставить тебя чувствовать все, что только можно. Насладиться тобой и позволить тебе насладиться мной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net